

INSPIRIA

ФЕДРА ПАТРИК

Восемь причин
любить тебя
сильнее

INSPIRIA

Сурсак. Согревающие истории Феды Патрик

Федра Патрик

**Восемь причин
любить тебя сильнее**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Патрик Ф.

Восемь причин любить тебя сильнее / Ф. Патрик — «Эксмо»,
2016 — (Cupsake. Согревающие истории Федры Патрик)

ISBN 978-5-04-199674-1

РОМАН, КОТОРЫЙ СОГРЕВАЕТ ТЕБЯ, СЛОВНО МАМИН КУРИНЫЙ БУЛЬОН В ДЕТСТВЕ. Артур Пеппер строго следует распорядку дня, который сохранился с тех времен, когда его жена Мириам была жива. Он встает с постели ровно в 7:30 утра, надевает серые брюки и горчичную шерстяную жилетку, поливает свой папоротник Фредерику и идет ухаживать за садом. Но в первую годовщину смерти Мириам кое-что меняется. Разбирая ее вещи, Артур находит изысканный золотой браслет с шармами, которого никогда раньше не видел. На одном из шармов выгравирован незнакомый телефонный номер, и Артур решается позвонить. После этого телефонного разговора он понимает, что совершенно не знал свою жену. Артур решает разгадать тайну каждого шарма и отправляется в незабываемое путешествие. Лондон, Париж, Индия... Каждое из этих мест даст ему ключ к разгадке тайн Мириам и позволит узнать лучше самого себя. «Милая и пронзительная история о браке, горе и памяти. Немного неуклюжий, серьезный и чрезвычайно милый Артур покорила сердца читателей». — Booklist «Роман-напоминание о том, что иногда человек, который тебя любит, знает тебя лучше, чем ты сам». — Martha Stewart Living «Это очень милая история». — Publishers Weekly «Эта история пронзает сердце». — BookPage Ранее роман издавался под названием «Артур Пеппер и загадочный браслет»

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-199674-1

© Патрик Ф., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Сюрприз в шкафу	8
Слон	14
Большой побег	18
В пути	26
Люси и черепаха	32
Кровать и завтрак	37
Тигр	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Федра Патрик

Восемь причин любить тебя сильнее

Оливеру

Phaedra Patric

THE CURIOUS CHARMS OF ARTHUR PEPPER

Copyright © 2016 by Phaedra Patrick

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© 4zevar, AptTone, Arctic ice, AURORA Bytes, AVIcon, barka, Barks, bogadeva1983, CosmoVector, cve iv, DGIM studio, Gina yuniar, Giuseppe_R, Granate Art, Iconbunny11, johavel, Kaminturbo, kerl_aa, kontur-vid, krung99, PANsight, Sanjib-biswas, tam-arum, Tatiana Kuklina, Vector Tradition, Vectorfair, VectorVicePhoto, Panda Vector / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Сергея Самуйлова*

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Сюрприз в шкафу

Каждый день Артур вставал с постели ровно в половине восьмого утра, как делал, когда его жена, Мириам, была жива. Он принимал душ, одевался – серые слаксы, голубая рубашка, вязанный, горчичного цвета жилет, все приготовлено с вечера, – брился и спускался вниз.

В восемь Артур готовил завтрак – обычно тост с маргарином – и садился за большой сосновый стол. За столом вполне могли бы поместиться шесть человек, но теперь сидел он один. В половине девятого он мыл посуду и вытирал столешницу пахнущей лимоном салфеткой. Так начинался день.

В ясное майское утро Артур, может быть, даже порадовался бы уже вставшему солнышку и немного поработал в саду – пополюл сорняки, покопался в земле. Солнце согрело бы шею, пощекотало лысину. Напомнило, что он еще жив и как-то шевелится.

Но сегодня, в пятнадцатый день месяца, все было немножко по-другому. Наступила годовщина, которую Артур с опаской ждал уже несколько недель. Взгляд зацепился за дату на календаре с видами Скарборо, когда он проходил мимо. Секунду-другую Артур смотрел на него, пытаясь придумать какое-то мелкое дело, чтобы занять себя и отвлечься. Можно было бы полить папоротник, Фредерику, или открыть окно и гаркнуть «Пшить!» соседским котам, взявшим за обыкновение пользоваться его декоративным садиком с камнями как туалетом.

В этот день год назад умерла его жена.

Ушла, как теперь все говорили. Как будто само слово «умерла» было чем-то вроде ругательства. Артуру это «ушла» и ему подобные категорически не нравились. В них было что-то мягкое, неторопливое, как плывущая по журчащей воде лодка или улетающий в безоблачное небо воздушный шарик. Но ее смерть такой не была.

Теперь, после сорока лет брака, он остался один в доме с тремя спальнями и смежной ванной комнатой, оборудованной по рекомендации их взрослых детей – дочери, Люси, и сына, Дэна – на пенсионные деньги. Недавно они же установили новую кухню – из настоящего бука, с современной плитой с панелью управления, словно в космическом центре НАСА. Пользоваться ею Артур не решался – чего доброго, дом еще взлетит, как ракета.

В доме не хватало смеха. Стука шагов по лестнице и даже грохота захлопнувшейся двери. На площадке больше не попадалось выпавших из корзины со стиркой вещей, в прихожей не приходилось перешагивать через грязные резиновые сапоги. Дети называли их «резиноги». Тишина и покой, спутники его одинокого присутствия, оглушали сильнее, чем любой шум, на который он, бывало, ворчливо жаловался.

Убрав со стола, Артур уже направился в переднюю, когда в уши ударил громкий, резкий звук. Он оперся ладонью о столешницу. Под мышками повлажнело от пота. За стеклянной, с узором из маргариток дверью темнело что-то большое и фиолетовое. Артур вдруг ощутил себя пленником в собственном доме.

Снова зазвенел звонок. Удивительно, как у нее получалось извлекать из него такие пронзительные ноты. Плечи сами вскинулись вверх, защищая уши. Сердце заколотилось. Еще чуть-чуть, еще несколько секунд – и ей это надоест, она повернется и уйдет. Но нет – щель почтового ящика открылась...

– Артур Пеппер. Откройте. Я знаю, что вы дома.

Соседка, Бернадетт. Третий визит за неделю. В последние месяцы она несколько раз пыталась накормить его мясным пирогом или домашним бифштексом с луком. Иногда он сдавался и открывал дверь, но чаще – нет.

На прошлой неделе в прихожей обнаружилась сосиска в тесте, выглядывавшая из бумажного пакета, словно напуганный зверек. Потом пришлось едва ли не целый день отчищать придверный коврик от мучнистых хлопьев.

Надо взять себя в руки, проявить выдержку. Замереть и не двигаться – иначе она поймет, что он дома. Объяснение можно придумать потом – мол, выносил мусор или поливал герань в саду. Вот только сочинять что-то не было ни малейшего желания, тем более сегодня.

– Артур, я знаю, что вы здесь. Вам нельзя замыкаться в себе. У вас есть друзья, они переживают. – Почтовый ящик коротко задребезжал, и на пол, проскользнув в щель, мягко опустился сиреневый листок от «Друзей по несчастью». Листок украшал неумело нарисованный цветок лилии.

Хотя он и не разговаривал ни с кем уже больше недели, и холодильник мог похвастать только кусочком чеддера и просроченной бутылкой молока, гордость все же осталась при нем. Он не станет еще одним «пропавшим человеком» для Бернадетт Паттерсон.

– Артур.

Он крепко зажмурился и представил себя статуей в саду какого-нибудь богатого особняка. Раньше им с Мириам нравилось бывать в государственных парках и заповедниках, но только в те недели, когда там было поменьше народу. Вот бы сейчас погулять там вдвоем, пройти по хрустящим под ногами, посыпанным гравием дорожкам, полюбоваться порхающими над кустами роз бабочками-капустницами и угоститься бисквитом королевы Виктории в чайной комнате. При мысли о жене комок подступил к горлу, но Артур не шелохнулся. Вот бы и впрямь превратиться в камень и не чувствовать этой боли.

Ящик наконец захлопнулся. Фиолетовое пятно удалилось. Артур расслабил пальцы, потом локти. Пошевелил, снимая напряжение, плечами. Бернадетт вполне могла задержаться у калитки, поэтому он осторожно, на дюйм, приоткрыл дверь и, прикинув к щели, выглянул наружу. В саду напротив Терри, с красной банданой на дредах, вытаскивал из сарайчика газнокосилку. Два рыжих сорванца из дома по соседству носились босиком по улице. Его «микра» все также маялась от безделья с загаженным голубыми ветровым стеклом. Артур немного успокоился. Все вернулось к нормальности. Вошло в ставшую привычной колею рутины.

Прочтя листовку, он аккуратно положил ее к другим таким же, полученным от Бернадетт – «Настоящие друзья», «Ассоциация жителей Торнэппл», «Мужчины в пещерах» и «Дизель Гала Дэй», – после чего заставил себя приготовить чашку чая.

Бернадетт таки испортила утро, вывела из равновесия. Расстроенный, он слишком рано вынул чайный пакетик из заварочного чайника. Достав из холодильника бутылку, принялся, поморщился от запаха и вылил молоко в раковину. Придется пить черный. Вкусом чай напоминал металлические стружки. Артур тяжело вздохнул. Сегодня он не собирался ни мыть пол в кухне, ни пылесосить лысеющую дорожку на лестнице. И краны в ванной не станет протирать, и полотенца складывать аккуратными квадратиками.

Наклонившись, он достал рулон мешков для мусора, развернул и нехотя положил на кухонный стол. Плотные. То, что надо, для работы. Подготавливая себя к ней, он перечитал листовку из кошачьего приюта «Спасители», собиравшего вещи для продажи и сбора средств

для брошенных и пострадавших от плохого обращения животных. Листовку под телефон положила жена, и Артур принял это как указание на то, куда отдать ее одежду.

Всячески оттягивая решение поставленной задачи, он остановился на лестничной площадке. Разбирать гардероб жены – это как будто прощаться с ней еще раз, стирать ее из своей жизни. Сморгнув подступившие слезы, Артур посмотрел в окно на задний дворик. Привстав на цыпочки, он увидел лишь верхушку Йоркского собора, шпили которого подпирали небо каменными пальцами. Деревушка Торнэппл, в которой он жил, расположилась на окраине города. Вишни уже роняли лепестки, кружащиеся розовые конфетти. С трех сторон сад окружал высокий деревянный забор, защищавший от назойливых соседей, любителей поболтать. Им с Мириам было хорошо вдвоем. Они все делали вместе, им так нравилось, так что спасибо, не надо.

У них было четыре высоких грядки, которые он укрепил железнодорожными шпалами и на которых росли свекла, морковь, лук и картофель. В этом году можно было бы попробовать тыквы. У Мириам отлично получались курица и овощное рагу, а еще домашние супы. Артур готовить не умел. Собранный прошлым летом чудесный красный лук так и лежал на столе, пока кожица не сморщилась, как и у самого Артура, и его пришлось отправить в мусорный бак.

Он одолел наконец последние ступеньки и остановился, отдуваясь, возле ванной. А ведь когда-то без проблем взбегал по лестнице вслед за Люси и Дэном. Но теперь все замедлилось. В коленях похрустывало, и вообще он как будто усох. Некогда черные волосы сделались голубино-белыми (но несколько не поредели и упрямо отказывались разглаживаться), а закругленный кончик носа, похоже, становился краснее с каждым днем. Теперь уже и не вспомнить, когда он перестал быть молодым и превратился в старика.

На память пришли слова Люси из их последнего разговора несколько недель назад. «Ты мог бы прибраться, пап. Тебе полегчает, когда отдашь ее вещи. Ты сможешь двигаться дальше». Дэн звонил иногда из Австралии, где жил теперь с женой и двумя детьми. Он выражался с меньшим тактом. «Выбрось все. Не превращай дом в музей».

Двигаться дальше. Вот только куда? Ему исполнилось шестьдесят девять, не мальчишка, который мог бы поступить в университет или взять годичную паузу после школы. Он вздохнул и, волоча ноги, направился в спальню.

За зеркальными дверцами платяного шкафа висела ее одежда – черное, серое, коричневое, все земляного цвета. Странно, он не помнил, чтобы Мириам одевалась так уныло. И словно в ответ на эту мысль в голове возник ее образ – Мириам кружит Дэна, держа сына за руку и ногу. На ней летнее платье в голубой горошек и белый шарфик. Такая молодая, даже юная, смеющаяся, приглашающая его присоединиться. Но картинка, выпрыгнув из памяти, так же быстро ушла. Последние воспоминания были того цвета, что и одежда в шкафу. Серые. Волосы оттенка алюминия в форме купальной шапочки. Она увядала, как лук.

Мириам болела несколько недель. Все началось с обычной простуды, с которой она пролежала в постели две недели на антибиотиках. Но на этот раз простуда переросла в пневмонию. Доктор прописал постельный режим, и жена, никогда не поднимавшая шум из-за мелочей, послушно подчинилась.

Войдя однажды в спальню, Артур увидел ее лежащей неподвижно в постели. Сначала он подумал, что жена наблюдает за птицами на деревьях, но, когда взял ее за руку, она не встрепенулась, не вздрогнула.

Половину вешалки занимали кардиганы. Бесформенные, с обвисшими рукавами, как будто их поносили какие-то гориллы, а потом вернули на место. Еще в шкафу были юбки: темно-синие, серые, бежевые – все до середины икры. Он уловил запах ее духов – что-то с розой и ландышем, – и ему отчаянно захотелось уткнуться в изгиб ее шеи. *«Господи, пожалуйста, только один еще раз».*

Как бы он хотел, чтобы все случившееся было просто дурным сном, чтобы она сидела внизу за кроссвордом в *Woman's Weekly* или писала письмо кому-то из друзей, с которыми они познакомились во время отпуска.

Он сел на кровать, позволив себе несколько минут слабости, потом быстро развернул и открыл два пакета. Это нужно сделать. В один пакет – вещи для кошачьего приюта, в другой – то, что надо выбросить. Он взял охапку одежды и засунул в мешок. Домашние шлепанцы Мириам с дыркой в мыске отправились в мусорный бак. Артур работал быстро и молча, не позволяя себе отвлекаться на эмоции. Положив в «благотворительный» мешок пару серых ботинок на шнуровке *Hush Puppies* и отправив вслед за ними почти идентичную пару *Clarks*, он достал большую обувную коробку и вынул из нее пару вполне приличных коричневых замшевых ботинок с мехом.

Бернадетт как-то рассказывала про пару ботинок, которые купила на «блошином» рынке и в которых нашла лотерейный (невыигрышный) билет. Вспомнив об этом, Артур машинально сунул руку сначала в один ботинок (пустой), потом в другой и наткнулся пальцами на что-то твердое. Странно. Захватив предмет пальцем, он вытащил его и увидел коробочку в форме сердца, обтянутую красной текстурированной кожей и запертую на крохотный золотой замочек. Было в этих цветах, красном и золотом, что-то, отозвавшееся в нем беспокойством. Коробочка выглядела дорогой безделицей. Может быть, подарок от Люси? Нет, он бы помнил. Ему самому никогда бы и в голову не пришло покупать жене такое. К тому же ей нравились практичные, полезные вещи – простенькие круглые серебряные пусеты или симпатичные варежки-прихватки. Всю свою совместную жизнь они экономили и ужимались, откладывая понемножку на черный день. А когда расщедрились на кухню и ванную, у нее оставалось совсем немного времени, чтобы насладиться этой роскошью сполна. Нет, Мириам не позволила бы себе такую вещь.

Артур осмотрел замочную скважину. Потом порылся в остальной обуви Мириам, беспорядочно передвигая пары, но ключа так и не нашел. Вооружившись маникюрными ножницами, он просунул их в замочную скважину и покрутил, но попытка оказалась бесплодной. Проснувшееся любопытство не давало покоя. Не желая признавать поражение, Артур спустился вниз. Проработать почти пятьдесят лет слесарем и не открыть какой-то замочек? В кухне он выдвинул нижний ящик и достал двухлитровый пластиковый контейнер из-под мороженого, в котором держал свои инструменты. Потом снова поднялся вверх, извлек увешанное отмычками кольцо и выбрал самую маленькую отмычку. На этот раз в замке что-то повернулось, и коробочка приоткрылась на несколько миллиметров, словно маленький рот, готовый прошептать какой-то секрет. Он поднял крышку. Внутри коробочка была выстлана жатым бархатом, голосом декаданса и роскоши. Но дух у Артура перехватило от другого, того, что лежало на подкладке. Это был роскошный золотой браслет для шармов с крупными круглыми звеньями и застежкой в форме сердечка.

Еще одно.

Однако более удивительным и странным был набор шармов, вытянувшихся во все стороны и напоминающих солнечные лучи, как их изображают в детских иллюстрированных книжках. Всего шармов было восемь: слоник, цветок, книжка, палитра, тигр, наперсток, сердечко и кольцо.

Артур взял украшение и покрутил. Браслет был тяжелый, шармы глуховато звякнули. С виду антикварный или, по крайней мере, почтенного возраста и замечательной работы. Детали каждого шарма отличались точностью и завершенностью. Но как ни пытался, он так и не смог вспомнить, чтобы Мириам носила украшение или показывала ему. Может быть, купила в подарок кому-то? Но кому? Вещь, судя по всему, была дорогая. Люси носила украшения совсем другие – новенькие, модные, что-то из серебряной проволоки с кусочками стекла и раковинами.

Не позвонить ли детям, выяснить, знают ли они что-то о браслете, спрятанном их матерью в шкафу. Причина достаточно веская. Но потом, подумав, Артур от этой мысли отказался – дети и без того слишком заняты, чтобы еще беспокоиться из-за него. Некоторое время назад он уже звонил Люси под тем предлогом, что не совсем понимает, как работает плита. Что касается Дэна, то последний разговор с сыном состоялся месяца два назад. Дэну уже сорок, Люси – тридцать шесть – даже не верится. Как летит время.

Теперь у каждого из них своя жизнь. Там, где Мириам была когда-то их солнцем, а он – луной, теперь Дэн и Люси – далекие звезды в их собственных галактиках.

В любом случае браслет не от Дэна. Определенно нет. Каждый год, накануне дня рождения Мириам, Артур звонил сыну с напоминанием. Дэн уверял, что не забыл и как раз собирался пойти на почту и послать что-то. Обычно это была какая-нибудь мелочь: магнитик на холодильник в форме Сиднейского оперного театра, фотография внуков, Кайла и Марины, в картонной рамке, маленькая коала, которую Мириам прицепила к занавеске в бывшей комнате Дэна.

Если Мириам и огорчалась из-за подарков сына, внешне она никак этого не показывала. «Как мило!» – восклицала она, будто лучшего подарка никогда и не получала. Могла бы хоть раз откровенно сказать, что их сын мог быть и повнимательнее. Но, с другой стороны, Дэн и ребенком не отличался заботливостью и чуткостью, как будто для него не существовало других людей. Разбирать и собирать автомобильные моторы, измазавшись в масле, – в этом было все его счастье. Артур гордился тем, что у его сына в Сиднее три автомастерские, но и хотел бы, чтобы он уделял людям не меньше внимания, чем карбюраторам.

Люси была внимательнее – присылала открытки и никогда не забывала про дни рождения. Она росла такой тихой и молчаливой, что Артур и Мириам забеспокоились – уж нет ли у дочери проблем с речью. Но нет – доктор объяснил, что девочка просто очень восприимчивая, что чувства ее глубже, чем у большинства людей. Наверное, именно поэтому, говорил себе Артур, Люси и не приехала на похороны матери. Объяснить отсутствие Дэна было проще – он жил далеко, за тысячи миль от Англии. Но, находя для них обоих оправдания, в глубине души Артур был глубоко уязвлен тем фактом, что их дети не простились с Мириам должным образом. И именно поэтому, разговаривая с ними изредка по телефону, он не мог избавиться от чувства, что между ними стоит стена. Он не только потерял жену, но и терял детей.

Артур сложил в кучку пальцы, но браслет, скользя вниз, зацепился за костяшки. Больше всего ему понравился слоник – индийский, с поднятым хоботом и маленькими ушами. Какая экзотика. Он кисло усмехнулся. Они с Мириам не раз обсуждали возможность поехать в отпуск за границу, но всегда довольствовались Бридлингтоном, одним и тем же мини-отелем, предлагающим «кровать и завтрак» с видом на море. В качестве сувениров покупали открытки или новое кухонное полотенце, но уж никак не золотой шарм.

На спине у слона высился хаудах с пологом, а внутри крохотный темно-зеленый граненый камень. Когда Артур дотронулся до него, камешек повернулся. Изумруд? Нет, конечно же, нет, просто стекло или подделка под драгоценный камень. Он провел пальцем по хоботу, спине, хвосту. В одних местах металл был гладкий, в других – шероховатый, как будто с насечками. Но рассмотреть получше не получалось – шарм расплывался. Нужны были очки для чтения, но они куда-то подевались. Очков у него было пять пар, и все лежали в разных надежных местах. Покопавшись в контейнере, Артур нашел монокуляр, вещь, которая пусть и редко, но все же оказывалась кстати. Вставив его в глазницу, он подвигал взад-вперед головой и, получив фокус, увидел, что насечки – это на самом деле буквы и цифры.

Он прочитал их. Перечитал.

Айя. 0091 832 221 897

Сердце забилося быстрее. *Айя*. Что бы это могло означать? И цифры... Координаты? Код? Артур взял карандаш и записал их на листке. Монокюляр упал на кровать. Прошлым вечером он смотрел по телевизору викторину, и ведущий, парень с взлохмаченными волосами, спросил, через какой код нужно звонить из Англии в Индию. Ответ был 0091.

Артур закрыл контейнер и, прихватив браслет, спустился вниз. Отыскав в карманном словаре Oxford English слово «айя», он узнал, что так называют няню или служанку в Восточной Азии или Индии. Ну и что?

Обычно Артур не звонил по телефону вот так, ни с того ни с сего, предпочитая вообще им не пользоваться. Звонки Люси и Дэну только расстраивали. И все же он сел на стул за кухонным столом, поднял трубку и осторожно набрал номер. Просто так, из любопытства. Глупо, конечно, но было в этом слонике что-то такое, что разбудило желание узнать больше. Ждать пришлось долго, но в конце концов ему ответили.

– Резиденция Мехра. Чем могу помочь? – вежливо спросила женщина с индийским акцентом. Судя по голосу, молодая. А вот у Артура, когда он заговорил, голос дрогнул. Какая нелепость, ведь правда же?

– Я звоню насчет моей жены. Ее звали Мириам Пеппер, до замужества – Мириам Кемпстер. Я нашел шарм, слоника, и на нем этот номер. Он был в ее шкафу. Я убрал и... – Артур не договорил. Что он делает? Что несет?

Женщина на другом конце молчала, и Артур уже решил, что вот сейчас она положит трубку или отругает его за дурацкий розыгрыш. Но она заговорила:

– Да, я слышала о мисс Мириам Кемпстер. Я сейчас поищу мистера Мехра, сэр. Полагаю, он сможет вам помочь.

От удивления Артур даже открыл рот.

Слон

Артур сжал телефонную трубку. Голос в голове убеждал положить ее и забыть все эту нелепицу. Во-первых, дорого. Как-никак звонок в Индию дешевым быть не может. Мириам всегда следила за счетами за телефон, особенно с учетом стоимости разговоров с Дэном в Австралии.

А еще его не оставляло неприятное чувство, что он подглядывает за своей женой. Их брак строился на доверии. В те времена, когда он разъезжал по стране, продавая замки и сейфы, Мириам беспокоилась, что, ночуя вдалеке от дома, муж может поддаться чарам какой-нибудь симпатичной хозяйки гостиницы. Артур заверял жену, что никогда не подвергнет опасности брак и семейную жизнь. Кроме того, он не принадлежал к тому типу мужчин, который нравится женщинам. Бывшая подружка сравнивала его с кротом, называла пугливым и немного дерганным. Но, как ни удивительно, ему несколько раз делали предложения. Хотя, возможно, объяснялось это скорее одиночеством или практичностью дам (и в одном случае мужчины), чем его собственной привлекательностью.

Иногда Артур задерживался на работе. Часто бывал в разъездах. Он любил показывать новые врезные замки, объяснять клиентам действие задвижек, запоров и рычажков. Было в замках что-то такое, что неизменно интриговало его. Замки солидны и надежны. Они защищают и обеспечивают безопасность. Ему нравилось, что в машине всегда пахнет маслом, нравилось разговаривать с клиентами в мастерских. Но потом пришел интернет с заказами онлайн. Слесарям больше не требовались продавцы. Оставшиеся мастерские делали закупки через компьютер, и Артур сел за стол. Теперь общаться с клиентами приходилось по телефону, а ему телефон никогда не нравился. Ты не видишь людей, не видишь, как они улыбаются, задавая вопросы.

Часто возвращаясь домой запоздно, он заставал детей спящими. Люси относилась к этому с пониманием и по утрам встречала отца с радостью, обнимала за шею, говорила, что скучала. С Дэном было труднее. Когда Артур однажды закончил работу раньше, сын радости по этому поводу не выказал и заявил, что ему лучше с мамой. Мириам говорила, что не надо принимать это близко к сердцу, что некоторые дети ближе к одному родителю, чем к другому. Но Артур все равно чувствовал себя виноватым из-за того, что так много работает, обеспечивая семью.

Мириам тоже клялась, что всегда будет верна мужу, независимо от того, сколько он работает, и Артур верил ей. Она никогда не дала ему повода для сомнения. Он ни разу не видел, чтобы она флиртовала с другими мужчинами, и не находил свидетельств того, что она сбивалась с пути. Вообще-то он их даже не искал, но иногда, возвращаясь домой после долгого отсутствия, задавался вопросом, не принимала ли она гостей. Конечно, одной с двумя детьми нелегко, но Мириам не жаловалась. Она была настоящим бойцом.

Сглотнув комок, образовавшийся в горле при мыслях о семье, Артур уже начал отводить трубку от уха. Рука дрожала. *«Пусть все остается как есть. Повесь трубку»*. Но тут издалека донесся слегка дребезжащий голос:

– Здравствуйте. Это мистер Мехра. Я правильно понял, что вы звоните по поводу Мириам Кемпстер?

Артур с натугой сглотнул. Во рту пересохло.

– Да, правильно. Меня зовут Артур Пеппер. Мириам моя жена. – Сказать, что Мириам *была* его женой показалось неправильным, ведь даже если ее и нет уже здесь, они все равно состоят в браке, ведь так? Он объяснил, как нашел браслет и шарм-слоника с выгравированным номером. Сказал, что позвонил просто так, на всякий случай, не надеясь на ответ. И лишь потом добавил, что Мириам умерла.

Мистер Мехра молчал, должно быть, целую минуту, если не больше.

– Мой дорогой сэр, – заговорил он после паузы, – мне так жаль. Она так хорошо присматривала за мной, когда я был ребенком. С тех пор прошло много лет, но я все еще живу в том же доме. В нашей семье мало перемен. У нас тот же номер телефона. Я – врач, как и мой отец, а еще раньше его отец. Но я помню доброту Мириам и всегда надеялся, что однажды найду ее. Мне следовало приложить больше стараний.

– Она присматривала за вами?

– Да, она была моей айя. Присматривала за мной и моими младшими сестрами.

– Она была вашей няней? Здесь, в Англии?

– Нет, сэр. В Индии. Я живу в Гоа.

Артур как будто онемел. Как же так? Он ничего об этом не знал. Мириам никогда не упоминала никакую Индию. Как такое возможно? Он тупо уставился на тканевый мешочек с поппури, висящий на ниточке в коридорчике.

– Сэр, я могу рассказать вам немного о ней?

– Да, пожалуйста, – пробормотал Артур. Пусть говорит, пусть скажет, что речь, должно быть, идет о какой-то другой Мириам Кемпстер.

Голос мистера Мехра звучал мягко и в то же время уверенно и властно. Артур уже не думал о счете за телефон. Больше всего он хотел слушать кого-то другого, кто, возможно, знал и любил Мириам, даже если этот другой был незнакомцем. Иногда он чувствовал, что если не говорить о жене, то память о ней блекнет и рассеивается.

– До Мириам у нас было несколько айя. Я был озорным ребенком и всячески над ними подшучивал. Засовывал тритонов в обувь, подсыпал хлопья чили в их суп. Долго никто не задерживался. Но Мириам была другая. Ела как ни в чем не бывало острую пищу и не говорила ни слова. Вынимала тритонов из туфель и относила в сад. Я всматривался в ее лицо, но она была хорошей актрисой. Ни разу не выдала своих эмоций, и я не мог понять, злится она или забавляется. Постепенно я перестал ее разыгрывать. Какой смысл? Она знала все мои трюки! Помню, у нее был целый мешочек с красивыми марблами. Мерцающими, как луна. А один напоминал настоящий тигровый глаз. Ей ничего не стоило опуститься на колени в пыли. – Он коротко рассмеялся. – Я был немножко влюблен в нее.

– Она долго оставалась в вашей семье?

– Несколько месяцев. Я очень переживал, когда Мириам ушла. Это случилось из-за меня. Я никому об этом не рассказывал, но вы, мистер Пеппер, имеете право знать. Этот стыд живет во мне много лет.

Артур нервно поерзал на стуле.

– Вы не против, если я расскажу вам? Для меня это важно. Это как секрет, прожегший дыру у меня в сердце. – Мистер Мехра не стал дожидаться ответа. – Мне было всего двенадцать, но я любил Мириам. Я впервые обратил внимание на девушку. Она была такая красивая и носила такие классные платья. Когда она смеялась, казалось, звенят такие маленькие

колокольчики. Просыпаясь по утрам, я в первую очередь думал о ней и, отправляясь спать, с нетерпением ждал следующего дня. Теперь-то я знаю, что это была не настоящая любовь, которая пришла, когда я встретил мою жену, Прию, но для мальчишки она была самой настоящей. Мириам и выглядела необычно – алебастровая кожа, волосы цвета ореха. Глаза как аквариумы. Экзотика. Я, наверно, слишком докучал ей, постоянно вертелся вокруг нее, но она ни разу не посмеялась надо мной, не поставила в неловкое положение. Я рано лишился матери и частенько просил Мириам посидеть со мной в ее комнате. Мы вместе пересматривали мамину шкатулку с украшениями. Ей особенно нравился один шарм, слоник. Бывало, мы смотрели сквозь изумруд и видели зеленый мир.

«Так это все-таки настоящий изумруд», – мелькнуло в голове у Артура.

– Но потом у Мириам появилось два свободных дня в неделю, которые она проводила вне дома. И мы меньше времени проводили вместе. Я уже подросток, и мне больше не требовалась аяя, но оставались две мои сестры. Она больше занималась ими, чем мной. Однажды я проследил за ней и увидел, как Мириам встречается с мужчиной. Он был учителем в моей школе. Англичанином. Он приходил к нам, и они вместе пили чай. Я видел, что она ему нравится. Однажды в саду он сорвал и подарил ей цветок гибискуса.

Я был подростком, мистер Пеппер, и в крови у меня бушевали гормоны. Я разозлился и сказал отцу, что видел, как Мириам и тот англичанин целуются. Мой отец был человеком старой закалки и уже уволил одну аяя в похожих обстоятельствах. Он тут же нашел Мириам и сказал ей уходить. Она очень удивилась, но сохранила достоинство и собрала вещи.

Меня это сразило. Я вовсе не хотел, чтобы все закончилось так. Я взял слоника из шкатулки и побежал в деревню, где попросил сделать на нем гравировку. Потом, когда Мириам стояла у двери, сунул шарм в кармашек ее чемодана. Мне не достало смелости попрощаться с ней, но она сама нашла меня, поцеловала и сказала: «Прощай, мой дорогой Раджеш». Больше я ее не видел. В тот день, мистер Пеппер, я поклялся, что не произнесу больше ни слова лжи. Я всегда говорю только правду. Я молился, чтобы она простила меня. Она рассказывала вам об этом?

Об этой части жизни своей жены Артур не знал ничего. Но знал, что они оба любили одну и ту же женщину. Когда Мириам смеялась, казалось, это звенят серебряные колокольчики. И у нее был мешочек с марблами, который она отдала Дэну. Голова у Артура шла кругом, но он все же расслышал невысказанный вопрос в голосе мистера Мехра.

Артур откашлялся.

– Она давно вас простила и всегда говорила о вас только хорошее.

Мистер Мехра громко рассмеялся, издав короткое «Ха, ха!».

– Мистер Пеппер, вы не представляете, как я рад слышать эти ваши слова. Спасибо, что взяли на себя труд позвонить мне. Мне так жаль, что Мириам больше не с вами.

Давно уже Артур не испытывал ничего подобного. Он вдруг почувствовал себя человеком значительным, полезным.

– Вам повезло, правда? Иметь такую жену, как Мириам. Вы так долго были женаты на ней. Она ведь прожила счастливую жизнь, да, сэр?

– Да, думаю, что да. Мы жили тихо и спокойно. У нас двое чудесных детей.

– Тогда и вам нужно постараться быть счастливым. Она ведь не хотела бы, чтобы вы печалились?

– Нет. Но это так трудно.

– Знаю. Но это нужно ради нее.

– Вы правы.

Мужчины замолчали.

Артур повернул в руке браслет. Теперь он знал о слонике. Но оставались другие шармы. Если он не знал о ее жизни в Индии, то какие истории могут таиться в остальных шармах? Он спросил у мистера Мехра, знает ли он что-нибудь о браслете.

– Я дал ей только слона. Через несколько месяцев после ухода она написала мне. Поблагодарила. Я – человек сентиментальный и то письмо храню до сих пор. Много раз я собирался связаться с ней, но слишком стыдился из-за той своей лжи. Если хотите, я посмотрю, какой адрес значится на том письме?

Артур сглотнул.

– Будьте любезны.

Ждать пришлось минут пять. Протянув руку, он прикоснулся к ароматическому мешочку в форме листа. Просмотрел листовки, которые Бернадетт просунула в дверь.

– Э, да, вот этот адрес – Грейсток-Мэнор, Бат, Англия, 1963. Надеюсь, это поможет вам в поисках. В письме говорится, что она остановилась там у друзей. И упоминаются тигры.

– На браслете есть шарм – тигр.

– Ага. Возможно, это будет ваш следующий, так сказать, порт захода. Вы ведь будете продолжать поиски, разгадывать эти загадки одну за другой, да?

– Вообще-то это и не поиски. Простое любопытство...

– Что ж, мистер Пеппер, если когда-либо будете в Индии, обязательно загляните ко мне. Я покажу вам места, которые нравились Мириам. И ее бывшую комнату. В ней почти ничего не изменилось за эти годы. Вам хотелось бы ее увидеть?

– Вы очень любезны. Вот только я никогда не выезжал за пределы Англии. И даже не представляю, что смогу в обозримое время отправиться в Индию.

– Всегда все бывает в первый раз. Не забывайте о моем предложении.

Артур поблагодарил мистера Мехра за приглашение и попрощался. Он уже положил трубку, а в голове еще звучали его слова: порт захода... продолжать поиски... разгадывать эти загадки...

А что, если?..

Большой побег

На следующее утро Артур проснулся, когда было еще темно. На панели будильника мигали цифры 5:32. Он полежал еще немного, глядя в потолок. По дороге проехала машина, и свет ее фар пробежал по потолку, словно лучи маяка по воде. Пальцы прокрались по матрасу, отыскивая руку Мириам, но он знал, что ее нет, и не нашел ничего, кроме холодка хлопчатобумажной простыни.

Каждый вечер, ложась в постель, Артур с неизменным удивлением обнаруживал, какой холодной она стала без Мириам. Когда жена была рядом, он всегда засыпал спокойно и пробуждался под пение дроздов в саду. Мириам трясла головой и спрашивала, слышал ли он ночью грозу или сработавшую у соседей сигнализацию. Артур никогда ничего не слышал.

Теперь он спал беспокойно, часто просыпался, дрожа и кутаясь в одеяло. Наверно, нужно было просто взять еще одно одеяло и защититься от холода, ползущего по спине и ногам. За прошедшее время организм нашел свой собственный, странный ритм сна, в котором беспокойные пробуждения чередовались с засыпаниями, и прервать этот тревожный ритм, избавиться от него Артур почему-то не пытался. Он не хотел погружаться в сон и, проснувшись с птицами, обнаруживать, что Мириам больше нет рядом. Даже по прошествии года это было бы слишком сильным шоком. Рваный ритм ночи напоминал, что жены нет, и эти постоянные напоминания отвечали его желанию. Артур не хотел рисковать памятью о ней, не хотел забывать ее.

Этим утром он проснулся непривычно растерянным и озадаченным. Освобождение дома от вещей, одежды, обуви и туалетных принадлежностей жены планировалось как обычное ритуальное действие, как маленький шаг к тому, чтобы двигаться дальше.

Но теперь на пути к поставленной цели встало препятствие – браслет с шармами. Вместе с браслетом появились вопросы, которых раньше не было. Перед Артуром открылась дверь, и он уже переступил порог.

К загадкам и тайнам они с Мириам относились по-разному. По воскресеньям они вместе и с удовольствием смотрели телесериалы с мисс Марпл и Эркулем Пуаро. «Как думаешь, это он? – спрашивал Артур, внимательно следивший за всем происходящим на экране. – Уж слишком старается помогать, но к самой истории прямого отношения не имеет. По-моему, он вполне может быть убийцей». – «Смотри фильм. – Мириам клала руку ему на колено. – Не надо все анализировать и стараться угадать концовку». – «Но это же детектив. Предполагается, что зритель должен постараться и сам отгадать загадку». – Мириам смеялась и качала головой.

Случись все наоборот, и умер бы он (думать об этом Артуру было неприятно), Мириам, найдя в шкафу мужа какой-нибудь странный предмет, не придала бы находке никакого значения.

Но вышло так, как вышло, и теперь мысли в голове у Артура кружились словно карусель.

Он встал, покряхтивая, с кровати и принял душ, направив в лицо горячую струю. Потом вытерся, побрился, надел серые брюки, голубую рубашку и горчичного цвета жилет и спустился вниз. Мириам нравилось, когда он так одевался. Она говорила, что он выглядит «презентабельно».

В первые недели после ее смерти Артур одевался как придется. А ради кого стараться? Жены нет, дети далеко – зачем беспокоиться из-за какой-то одежды? Днем и ночью он носил пижаму, и этот вариант вполне его устраивал. Впервые за всю жизнь у него отросла борода. Увидев себя в зеркале в ванной, он с удивлением обнаружил, что стал похож на Капитана Бердсая. Бороду Артур сбрил.

Чтобы не слышать собственные шаги, он включил радио во всех комнатах. Рацион питания свелся к йогурту и баночным супам, которые он даже не разогревал. Ложка и консервный нож – вот и все, что требовалось. Чтобы занять себя, Артур находил мелкие работы – подтянул болты на кровати, чтобы не скрипела, отскреб почерневшую грязь вокруг ванны.

В кухне на подоконнике Мириам держала папоротник. Пострадавшее от насекомых, несчастное растение стояло, уронив похожие на перья листья. Поначалу Артур смотрел на него с презрением – как это жалкое создание может жить, когда Мириам умерла. Папоротник стоял на полу у задней двери, дожидаясь, когда его вынесут с прочим мусором. Но потом, поддавшись чувству вины, Артур смягчился, вернул растение на место и, назвав Фредерикой, начал поливать и разговаривать с *ней*. Мало-помалу Фредерика поправилась, ее листья позеленели. Все-таки заботиться о ком-то или чем-то – дело приятное. Артуру было легче делать это с растением, чем с людьми. К тому же появилось занятие, требующее времени, а значит, на печали и горести этого самого времени оставалось меньше.

По крайней мере, так Артур сам себе говорил. Потом он начинал заниматься обычными домашними делами и вроде бы неплохо справлялся, держал себя в руках. Но вдруг замечал зеленый тканевый листок с попури, висящий в прихожей, или прогулочные ботинки Мириам с засохшей коркой грязи в кладовке, или лавандовый крем для рук Crabtree & Evelyn на полке в ванной – и все, что так старательно выстраивалось и поддерживалось, рушилось под напором внезапно нагрянувшей лавины. Эти ничтожные, бессмысленные мелочи рвали ему сердце.

Он садился на нижнюю ступеньку лестницы и обхватывал голову руками. Раскачиваясь взад и вперед, крепко зажмурив глаза, он говорил себе, что так и должно быть, что это неизбежно, потому что рана еще не затянулась, что это пройдет. Мириам теперь в лучшем мире. Она бы не хотела, чтобы он вот так расклеивался. *Бла-бла-бла*. Обычные заклинания из листовок Бернадетт. И действительно, волна горя и отчаяния проходила. Но не навсегда. Свою потерю он носил с собой как шар для боулинга, в глубине живота. И в тяжелые минуты представлял своего отца, человека сурового и крепкого: *«Черт подери, парень. Соберись, возьми себя в руки. Плачут только слабаки»*.

Выслушав упрек, Артур поднимал голову, выпячивал подбородок и старался собрать волю в кулак.

И вот, возможно, то самое время пришло.

Воспоминания о тех мрачных первых днях все больше окутывались туманной дымкой. Он все чаще видел прошлое как будто на черно-белом экране трескучего телевизора. Видел себя, тенью бродящего по дому.

Надо признаться, большую помощь оказала Бернадетт. Однажды она появилась на пороге без предупреждения, как незваный джинн, и настояла на том, чтобы он принял ванну, пока она приготовит ланч. Есть Артур не хотел, еда казалась безвкусной, но Бернадетт не отступала. «Твой организм – это паровоз, которому нужен уголь, – говорила она в ответ на его протесты против пирогов, супов и рагу и, пройдя в дом, подогревала блюда на плите и ставила перед ним. – Как ты собираешься путешествовать, не заправившись топливом?»

Никакого путешествия Артур не планировал. Он вообще не хотел выходить из дома. Наверх он поднимался только для того, чтобы воспользоваться ванной или лечь спать. Никакого желания делать что-то еще, кроме этого, он не испытывал. Покоя ради он ел то, что она готовила, блокируя ее болтовню, и читал ее листовки. Только бы его не трогали.

Но в упорстве ей было не отказать. Иногда Артур открывал дверь и впускал ее в дом, иногда не отзывался, а сворачивался на кровати, накрыв подушкой голову, или же превращался в статую из «Нэшнл Траст». Но она не отступала.

Чуть позже в то утро, словно зная, что он думает о ней, Бернадетт позвонила в дверь. Несколько мгновений Артур стоял неподвижно, раздумывая, идти ли к двери. Обитатели Бэнк-авеню предавались завтраку, и запахи бекона, яичницы и свежих тостов дразнили обоняние затворника. В дверь снова позвонили.

– У нее недавно умер муж, Карл, – сказала ему однажды, несколько лет назад, Мириам, заметив соседку во время какого-то церковного праздника за прилавком, где она продавала плюшки-«бабочки» и шоколадный торт. – По-моему, люди, оказавшиеся в такой ситуации, выбирают один из двух вариантов. Одни всеми силами цепляются за прошлое, другие, собрав себя в кулак, продолжают жить своей жизнью. Та леди с рыжими волосами из второй категории. Она занята делом.

– Ты ее знаешь?

– Она работает в «ЛэдиБиЛавли», бутике в деревне. Я купила там темно-синее платье. То, с крохотными жемчужными пуговичками. Она сказала, что в память о муже будет помогать людям с выпечкой. Сказала, что людям, уставшим от жизни, одиноким, несчастным или просто выдохшимся нужна еда. Думаю, это очень смело с ее стороны – брать на себя миссию помогать другим.

С тех пор Артур чаще замечал Бернадетт – на школьной летней ярмарке, на почте, в саду, где она ухаживала за розами. Они здоровались, но не более того. Иногда он видел Бернадетт и Мириам на углу улицы. Они смеялись, говорили о погоде и о том, какая в этом году сладкая клубника. Голос у Бернадетт был такой громкий, что он слышал ее, даже находясь дома.

Бернадетт присутствовала на похоронах Мириам, и у Артура сохранилось смутное воспоминание о том, как она появилась рядом и похлопала его по руке. «Если вам когда-нибудь что-то понадобится, просто спросите», – сказала она, и Артур удивился – о чем он вообще мог бы ее попросить? Затем она начала без предупреждения появляться у его порога.

Сначала Артура раздражало ее присутствие, потом он забеспокоился – уж не положила ли она глаз на него как на потенциального второго мужа. Сам он ни о чем таком даже подумать не мог. Но за все прошедшие месяцы Бернадетт ни разу не дала ему повода думать, что ее внимание не только исключительно платоническое. К тому же у нее был целый список вдов и вдовцов, на которых она распространяла свое внимание и заботу.

– Мясной пирог с луком, – приветствовала его Бернадетт, когда он открыл дверь. – Свежий. – Неся перед собой угощение, она прошла в переднюю, провела пальцем по полке над батареей и, не обнаружив пыли, одобрительно кивнула. Потом принялась. – Воздух у вас здесь немного затхлый. Освежитель есть?

Как можно быть такой бесцеремонной и самой этого не замечать, подумал Артур, послушно отправляясь за освежителем. Через несколько секунд по комнате распространился сладковатый аромат «Горной лаванды».

Прошествовав в кухню, Бернадетт поставила на стол пирог.

– Прекрасная кухня.

– Знаю.

– И плита чудесная.

– Знаю.

Бернадетт была полной противоположностью Мириам. Его жена была худощавая и хрупкая. Бернадетт – полная и мягкая, как подушечка. Ее волосы были выкрашены в ярко-красный цвет почтового ящика, а на кончиках ногтей красовались бриллиантовые гвоздики. Один из ее передних зубов выделялся желтым цветом. Ее громкий голос рубил тишину его дома, как мачете. Следуя за ней, Артур нервно позвякивал браслетом в кармане. После разговора с мистером Мехрой накануне он держал украшение при себе и поочередно, по несколько раз, самым внимательным образом рассматривал каждый шарм.

Индия. Это так далеко. Для Мириам это наверняка было настоящим приключением. Почему она не хотела, чтобы он знал? История, рассказанная мистером Мехрой, конечно же, не могла быть причиной молчания.

– Вы в порядке? Похоже, ушли в мир грез. – Течение его мыслей нарушил голос Бернадетт.

– Я? Да, конечно, в порядке.

– Я приходила вчера утром, но вас не застала. Ходили в «Мужчины в пещерах»?

Она имела в виду небольшое сообщество, объединявшее местных холостяков. Артур, побывав там дважды, встретил мрачного вида мужчин, занятых какими-то деревяшками. Заправлял всем этим делом толстяк по имени Бобби, внешне напоминавший кеглю с небольшой бородкой.

– Мужчинам нужны пещеры, – пропел он. – Нужно что-то вроде убежища, где они могут побыть наедине с собой.

Был там и сосед Артура с дредами, Терри, обрабатывавший напильником кусок дерева.

– Симпатичная машинка, – вежливо заметил Артур.

– Вообще-то это черепаха.

– О...

– Я увидел ее на прошлой неделе, когда постригал лужайку.

– И чья же?

– Тех рыжих ребятишек, что бегают босиком. Сбежала.

Артур не нашелся, что сказать. Ему и без беглой черепашки хватало проблем с кошками, разорвавшими его декоративный садик. Вернувшись к своему рабочему месту, он изготовил деревянную табличку с номером своего дома на ней – 37. Цифра 3 оказалась намного больше цифры 7, но он все равно повесил дощечку на заднюю дверь.

Артур мог бы легко сказать, что да, был там, в «Пещерах», пусть даже утро было слишком раннее. Но Бернадетт стояла и улыбалась ему, и пирог пах восхитительно. Он не хотел врать, тем более после рассказа мистера Мехры, долгие годы сожалевшего о своей лжи. На его месте он поступил бы так же и постарался больше не лгать.

– Я спрятался от вас вчера.

– Вы... *спрятались*?

– Не хотел никого видеть. Занялся уборкой в комнате Мириам и, когда вы позвонили, просто замер, притворившись, что меня нет дома. – Слова как будто сами скатились с языка, и Артур вдруг с удивлением обнаружил, что быть честным приятно и легко. – Вчера была годовщина ее смерти.

– Вы очень откровенны. Ценю вашу искренность. Я знаю, каково это. Когда умер Карл, мне было очень тяжело отпустить его. Я передала его инструменты Бобби.

У Артура даже сердце упало. Он надеялся, что Бернадетт не станет рассказывать о муже, не хотел обмениваться трагическими историями. Иногда ему казалось, что среди тех, кто потерял супругов, существует странное соперничество. На прошлой неделе, будучи на почте, он стал свидетелем сцены с участием четырех пенсионеров, назвать которую можно было разве что состязанием в хвастовстве.

– Моя жена мучилась десять лет, прежде чем в конце концов умерла.

– Неужели? Ну, вот моего Седрика раздавил грузовик. Парамедики говорили, что не видели ничего подобного. Один сказал, что его расплющило в блин.

– Мою, считаю, сгубили лекарства, – послышался надтреснутый мужской голос. – Ей давали двадцать три таблетки в день.

– У моего, когда вскрыли, внутри ничего не осталось. Все рак съел.

Они говорили о любимых и близких, как о каких-то неодушевленных предметах. Мириам же навсегда осталась для него реальной.

– Ей нравится заниматься такими делами, – сказала Вера, хозяйка почтового офиса, передавая через прилавок стопку маленьких конвертов из плотной бумаги. За дужкой толстой роговой оправы у нее всегда торчал карандаш. Занимая важную должность, она знала обо всех и обо всем в деревне. До нее почтовым отделением владела ее мать, и Вера во всем пошла в нее.

– Кому нравится?

– Бернадетт Паттерсон. Мы уже заметили, что она приносит вам пироги.

– Кто заметил? – спросил Артур, начиная злиться. – Есть какой-то клуб, поставивший целью совать нос в мою жизнь?

– Нет, просто мои клиенты обмениваются информацией. По-дружески. Вот этим Бернадетт и занимается, помогает беспомощным и отчаявшимся.

Артур заплатил за конверты, повернулся и вышел.

Он встал и включил чайник.

– Собираюсь отдать вещи Мириам в кошачий приют. Они продают одежду, обувь, украшения и прочее и собирают деньги на помощь брошенным животным.

– Хорошая мысль, хотя я лично предпочитаю собачек. Они более благодарны.

– Думаю, Мириам хотела бы помочь кошкам.

– Тогда так и сделайте. Давайте-ка я поставлю пирог в духовку, ладно? Можно потом и поесть вместе. Если, конечно, у вас нет других планов.

Артур уже хотел было сослаться на занятость, но снова вспомнил историю мистера Мехру. Никаких планов у него не было.

– Нет, в моем ежедневнике сегодня пустая страница.

Двадцать минут спустя, вонзая нож в мясной пирог, он снова вспомнил о браслете. Бернадетт могла бы помочь, взглянув на все это дело с женской точки зрения. Он хотел услышать от кого-нибудь, что браслет может только выглядеть дорогим и что в наше время можно купить хорошую дешевую копию. Но, с другой стороны, Артур знал, что изумруд в слонике настоящий. К тому же Бернадетт вполне могла посплетничать о нем на почте с Верой.

– Вам надо чаще выходить из дома. Пока вы бывали только в «Пещерах».

– Я выхожу. Был там уже два раза.

Она вскинула бровь.

– Куда же, например?

– Это что, «Мастермайнд»? Не помню, чтобы обращался к ним.

– Я всего лишь пытаюсь вам помочь.

Бернадетт определенно видела в нем «пропащего», как и говорила Вера.

Вот только Артур не хотел чувствовать себя «пропавшим» и не хотел, чтобы с ним обращались как с «пропавшим». В нем росло желание объяснить ей, что он не безнадежен, не беспомощен, как миссис Монтон, которая пять лет не выходила из дома и выкуривала по двадцать сигарет «Вудбайн» в день, или мистер Флауэрс, который вообразил, что у него в теплице живет единорог. В нем еще осталась частичка гордости.

В груди нарастало желание. Ему нужно было что-то сказать, чтобы она не считала его беспомощным, безнадежным и бесполезным. Он был отцом и мужем. У него были мысли, мечты и планы.

Вспомнив про адрес, значившийся на письме Мириам мистеру Мехре, Артур прочистил горло и торопливо сказал:

– Знаете, вообще-то я думаю съездить в Грейсток-Мэнор в Бате.

– А, да, – задумчиво протянула Бернадетт. – Это там, где тигры разгуливают на свободе.

Бернадетт была единственной в своем роде женщиной-справочником по Великобритании. Где только они с Карлом не побывали, разъезжая по стране в своем роскошном фургоне-кемпере. Артур даже замер, с нетерпением ожидая ее рассказа о том, куда он должен и не должен идти, что он должен и не должен делать в Грейстоке.

Возясь на кухне, поправляя весы и проверяя, достаточно ли чисты ножи, Бернадетт поведала о том, что ей было известно.

Нет, Артур не знал, что пять лет назад лорд Грейсток стал жертвой тигра, вонзившего зубы и когти в его икру, в результате чего милорд охромел. Он также не знал, что в молодости Грейсток содержал целый гарем из молодых женщин различных национальностей, некое подобие гедонистского Ноева ковчега, а в шестидесятые прославился дикими оргиями в своем поместье. И даже не знал того, что Грейсток носит одежду (даже белье) только цвета электрик, поскольку во сне ему однажды сказали, что этот цвет приносит удачу. (Интересно, подумал Артур, в одежде какого цвета был Грейсток, когда на него напал тигр.)

Теперь Артур узнал, что лорд пытался продать поместье Ричарду Брэнсону, но мужчины разругались и перестали даже разговаривать. Грейсток жил теперь затворником, поместье для публики открывалось только по пятницам и субботам, и посетителям не разрешалось смотреть на тигров.

Послушав Бернадетт, Артур получил неплохое представление о времяпрепровождении и нравах, царивших во владениях лорда Грейстока.

– Сейчас там открыты только сады и сувенирный магазин. И те пребывают в довольно запущенном состоянии, – подвела черту Бернадетт, закончив чистить смесители. – А почему вы туда собрались?

Артур посмотрел на часы, уже сожалея, что сказал так много. Бернадетт развлекала его двадцать пять минут. У него даже нога занемела.

– Думал, интересное место, чтобы отвлечься.

– Вообще-то мы с Натаном на следующей неделе собираемся в Вустер и Челтнем. Хотим посмотреть на тамошние университеты. Присоединяйтесь, если хотите. Оттуда до Грейстока можно доехать на поезде.

В животе у Артура заурчало. Поездка в Грейсток вовсе не значилась в списке первоочередных. Они с Мириам всегда путешествовали вместе. Какой смысл ехать куда-то одному? По правде говоря, он и не планировал посещение поместья и упомянул Грейсток только для того, чтобы Бернадетт не думала, что он окончательно уныл. Будь у него возможность повернуть время вспять, он ни за что не стал бы совать руку в тот ботинок и не узнал бы о браслете. С другой стороны, он никуда бы и не позвонил, а значит, и не сидел бы сейчас с Бернадетт, обсуждая Грейсток-Мэнор.

– Не знаю... не уверен. Может быть, как-нибудь в другой раз.

– Поезжайте. Попробуйте сдвинуть жизнь с места. Сделать хотя бы небольшой шаг. Поездка может пойти вам на пользу.

Неожиданно для себя Артур обнаружил, что в животе у него проросло зернышко интереса. Он узнал кое-что новое о прошлом жены, и теперь любознательная натура подталкивала его узнать больше. Весь прошедший год он ощущал лишь печаль, разочарование и тоску, и вот теперь появилось кое-что новенькое.

– Было бы, конечно, любопытно посмотреть гуляющих по английскому саду тигров, – сказал он.

Ему действительно нравились тигры. Сильные, величественные, красивые звери, в жизни которых есть только три определяющие цели: отслеживать добычу, насыщаться и спариваться. Люди, в чьей жизни доминируют кротость, смирение и тревоги, так не похожи на них.

– Правда? А я бы отнесла вас к тем, кто больше любит маленьких собачек, – ну, знаете, терьеров или что-то в этом роде. Да вы и выглядите как человек, у которого дома живут хомячки. Так что почему бы вам не поехать с нами на машине? За рулем будет Натан.

– Вы разве не на кемпере поедете?

– Нет, кемпер я продаю. Для меня фургон слишком велик, да и за гараж после смерти Карла приходится платить мне. У Натана «Фиеста». С виду ржавое ведро, но надежная.

– Разве вам не надо сначала спросить у Натана? Может быть, у него другие планы? – Артур поймал себя на том, что инстинктивно пытается увильнуть от поездки. Не надо было трепать языком. Уехать – значит полностью сменить обстановку, отказаться от привычной рутины. Весь его график будет сорван. Кто позаботится о Фредерике и защитит сад от нашествия котов? Если поехать на юг, то вполне возможно, что придется где-то заночевать. А он никогда не собирал чемодан – этим занималась Мириам. Мысли забегали в поисках причины для отказа. Он не хотел совать нос в прошлое жены, но хотел узнать как можно больше о ее жизни до встречи с ним.

– Нет, нет. Натану думать не положено. Это за него делаю я. К тому же ему будет полезно взять на себя некоторую ответственность, а то ведь и не вспомнит, что должен посмотреть университеты. Да, в запасе еще несколько месяцев, но уж лучше пусть определится пораньше. Без него мне будет одиноко. Непривычно снова оказаться одной. А потом поеду навестить и найду только его скелет, потому что он забудет, что надо есть.

Подумав, Артур собрался сказать, что, пожалуй, отложит поездку на какое-то время. Он уже знал, что не хочет составлять компанию Бернадетт и ее сыну, которого встречал лишь однажды, когда они с Мириам столкнулись с ним и его матерью на улице. Юноша показался ему довольно немногословным. И вообще, Артур на самом деле не хотел покидать дом, свое безопасное гнездо.

Но тут Бернадетт сказала:

– Когда Натан уедет, я буду предоставлена сама себе. Одинокая вдова. Но, по крайней мере, у меня есть вы и другие добрые друзья. Вы все мне как семья.

Ему вдруг стало стыдно. В ее голосе звучало такое одиночество. Артур никогда не применял это слово, чтобы охарактеризовать Бернадетт. Внутренний голос предупреждал: *«Не езди в Грейсток»*. Но ему не терпелось узнать, что связывало Мириам с поместьем. Место это совсем не вязалось с ней. Но ведь уже была Индия. Лорд Грейсток представлялся Артуру интригующим персонажем, и его семья владела поместьем многие годы, так что, возможно, он и знает что-то о Мириам. И даже, не исключено, знает что-то о браслете и шармах. Разве возможно, чтобы он, Артур, забыл об украшении, спрятал его в коробочку и отказался от попыток узнать больше о молодости своей жены?

– Вы не против, если я буду с вами откровенна? – спросила Бернадетт.

Она села рядом, сжимая в руках чайное полотенце.

– Э, нет...

– У Натана было трудное время после смерти Карла. Он мало об этом говорит, но я вижу – мальчик переживает. Ему полезно побыть даже немного в мужской компании. Друзья у него есть, но это не то. Если бы вы во время поездки посоветовали ему что-то, наставили на правильный путь... Думаю, ему бы это пригодилось.

Лишь усилием воли Артур удержался от того, чтобы покачать головой. Он представил Натана с его похожим на стручковую фасоль телом и черной челкой, нависающей над одним глазом траурным занавесом. При их единственной встрече за кофе парень преимущественно молчал. И вот теперь Бернадетт хотела, чтобы Артур поговорил с ним по-мужски.

– Ну, меня он и слушать не станет. Мы и встречались-то всего один раз.

– Думаю, что станет. От меня он слышит только, что можно делать и чего делать нельзя. Так что ему будет очень полезно послушать вас.

Артур внимательно посмотрел на нее. Обычно он отводил глаза, но на этот раз увидел и ярко-красные волосы с уже потемневшими корнями, и опущенные уголки рта. Она хотела, чтобы он согласился.

Он мог бы отнести вещи Мириам в благотворительный магазин. Мог бы вернуть браслет в шкаф и забыть о нем. Но его останавливали две причины. Во-первых, загадка. Настоящая, как те загадки, ради которых они с Мириам смотрели по воскресеньям детективные сериалы. Желание узнать истории, стоящие за каждым шармом, не давало ему покоя. Чем больше он узнает о прошлом жены, тем ближе станет к ней. Во-вторых, Бернадетт. Приходя к нему с пирогами и добрым словом, она ни разу не попросила его ни о чем – ни о деньгах, ни об ответной услуге, ни даже о том, чтобы он выслушал ее рассказ о Карле. Лишь только теперь она ждала от него пустяка.

Артур знал, что Бернадетт не будет настаивать, но знал, видя, как она крутит обручальное кольцо на пальце, что для нее это важно. Она хотела, чтобы он поехал с ней и Натаном. Она нуждалась в нем.

Покачавшись немного на стуле и приглушив ворчливые голоса, требовавшие отказаться от предложения, Артур сказал себе, что должен это сделать.

– Думаю, поездка в Грейсток – это то, что мне надо, – сказал он прежде, чем успел передумать. – И, думаю, с Натаном мы поладим. Можете на меня рассчитывать.

В пути

Натан Паттерсон существовал в том смысле, что у него была голова, туловище, руки и ноги. Насчет того, есть ли в голове мысли, приводящие в движение все это тело, у Артура имелись некоторые сомнения. Передвигался он так, словно стоял на плавно скользящей конвейерной ленте в аэропорту. Худой как тростинка, он был одет в облегающие, висящие на бедрах черные джинсы, черную футболку с изображением черепа и белые кроссовки. Едва ли не половину лица скрывала челка.

– Привет, Натан. Рад тебя видеть, – бодро сказал Артур, остановившись на тротуаре перед домом Бернадетт, и протянул руку. – Мы уже встречались однажды утром в кафе, помнишь?

Натан посмотрел на него как на инопланетянина. Его руки так и остались висеть плетьюми.

– Не...

– Ну и ладно. Я так понимаю, ты собираешься университеты посмотреть. Должно быть, смыйленный парень.

Натан отвернулся, открыл дверцу со стороны водителя и, не сказав ни слова, сел за руль. Артур посмотрел ему в спину – похоже, поездка обещала быть долгой.

– Сяду сзади, хорошо? – Не получив ответа, он забрался в машину. – А вы с мамой сможете поболтать впереди.

Свой чемодан на колесиках Артур прикатил к дому Бернадетт после ланча. Перед уходом он, чувствуя себя виноватым, обильно полил Фредерику и постарался ее утешить.

– Меня не будет пару дней, не больше, – пробормотал он, протирая ее листья влажной тряпочкой. – Ты справишься. Нельзя же просто сидеть на одном месте. Хотя нет, тебе можно. Но мне нужно съездить кое-куда. Узнать о Мириам то, чего я не знал. Думаю, ты меня в этом поддержишь.

Артур посмотрел на Фредерику, ожидая какого-нибудь знака – покачивания листьями или бульканья воды, – но никакого знака не последовало.

Из вещей он взял с собой смену белья и запасную рубашку, туалетные принадлежности, аптечку и саше с горячим шоколадом. Бернадетт заказала ему комнату в гостинице в Челтнеме, где и они собирались остаться на ночь.

– Чудесное место, – сказала она. – Из некоторых комнат открывается вид на Челтнемский собор. Все как в Йорке, так что по дому вы не заскучаете.

Бернадетт выбралась наконец из дома. За собой она катила пару чемоданов – темно-синий и фиолетовый, – за которыми последовали четыре сумки «Марк & Спенсер».

Артур опустил стекло, ожидая, что Натан бросится помогать матери, но юнец не сдвинулся с места и, положив ноги на приборную панель, продолжал поглощать чипсы из пакета.

– Вам помочь? – спросил Артур.

– Не надо, я справлюсь. Вот только загрузу это все в багажник, и можно отправляться. – Бернадетт захлопнула крышку багажника и села впереди, рядом с сыном. – Ну, ты знаешь, куда нам ехать?

– Да, – вздохнул Натан.

– На дорогу до гостиницы нам потребуется часа три, – сказала Бернадетт.

Едва они тронулись, как Натан включил на полную громкость радио. Гремело так, что Артур не мог думать. Рок рвался из колонок, певец орал и визжал, что хочет убить свою подружку. Время от времени Бернадетт оборачивалась, виновато улыбалась и одними губами спрашивала – *все хорошо?*

Артур кивал и поднимал большой палец. Вся эта перемена в утреннем распорядке изрядно его напрягла. Он не побрился и не мог вспомнить, помыл ли чайную чашку. Он представлял, как вернется из поездки с засаленным воротником, и тревожился из-за Фредерики – не слишком ли много воды ей досталось. Ко всему прочему его неотступно преследовала мысль об оставшихся на столе крошках. И дверь – правильно ли он ее закрыл?

Не зная, как еще заглушить тревогу, Артур опустил руку в карман, где лежала коробочка, погладил пальцем жатую кожу и даже ощутил некое облегчение. Вещь, принадлежавшая жене, была теперь у него, пусть даже он и не знал, откуда она взялась. Они ехали к автостраде по обсаженным деревьями дорогам, и в какой-то момент Артур почувствовал, что глаза закрываются. Он попытался держаться, но веки снова дрогнули и опустились. Шорох шин по асфальту убаюкивал и навевал сон.

Ему приснилось, что они вчетвером – он, Мириам, Люси и Дэн – выехали на пикник на берегу моря. Где именно и когда это случилось, он не помнил, но Люси и Дэн были еще детьми, потому что пришли в восторг от поездки к морю и рожка мороженого.

– Иди сюда, папа, поплещемся. – Дэн потянул его за руку. Солнечный свет разбегался по воде серебристой рябью, и от фургончиков, стоявших в отдалении на набережной, доносился запах свежих, только что приготовленных пончиков и уксуса. Чайки с пронзительными криками кружили над головой. Припекало солнце.

– Да, иди сюда, Артур. – Мириам повернулась к нему лицом. Солнце стояло у нее за спиной, и ее волосы как будто превратились в золотой ореол. Под тонким белым платьем проступал восхитительный силуэт ее ног.

Сам он сидел на песке, подвернув повыше лодыжек брюки. Под горчичного цвета жилетом выступил пот.

– Я немного устал, – сказал он. – Полежу на песочке, посмотрю на вас троих. А заодно и новости читаю. – Он похлопал по своей газете.

– Этим ты можешь заняться в любое время. Иди к нам. Отдохнешь вечером, когда дети лягут спать.

Артур улыбнулся.

– Я побуду здесь. А ты с детьми иди, покатайтесь на лодке. – Он протянул руку и потрепал по голове Люси.

Жена и дети постояли еще немного, глядя на него, но потом все же сдались и, взявшись за руки, побежали к морю. В какой-то момент он почти вскочил и бросился за ними, но они уже исчезли за пляжными зонтиками и цветными полотенцами. Артур снял жилет, свернул его и положил под голову.

Но поскольку это происходило во сне, он смог мысленно отмотать события назад. На этот раз, когда жена подошла с веслом и пригласила его покататься на лодке, он не стал отказываться и согласился. Потому что знал – другого такого момента, возможно, никогда больше не будет. Потому что знал – время, проведенное с детьми, бесценно, и в будущем Дэн будет жить за тысячи миль от дома, и Люси тоже уедет далеко. Он знал, что в ближайшие годы будет часто вспоминать этот день, всей душой желая снова оказаться на пляже с семьей.

Вот почему на этот раз, оставаясь во сне, Артур встал, взял тоненькие, липкие от песка руки Дэна и Люси в свои, и они вместе, вчетвером, побежали по песку, смеясь и визжа. И он топтался в море, пока оно не промочило его брюки выше колен и не посолило губы. Мириам, смеясь, подошла к нему и опустила в воду кончики пальцев. Люси хватала его за ноги, а Дэн сидел по пояс в воде, и море плескалось вокруг. Артур обнял жену за талию и притянул к себе. На носу у нее высыпали веснушки, а на щеках солнце нарисовало розовые круги. Больше всего на свете ему хотелось быть здесь. Он наклонился к ней, почувствовал ее дыхание на своих губах и...

– Артур. Артур!

Он почувствовал руку у себя на колене.

– Мириам?

Он открыл глаза. И сцена с женой и детьми внезапно оборвалась.

С переднего сиденья на него, обернувшись, смотрела Бернадетт. Дверца с ее стороны была открыта, и за ней виднелась площадка, закатанная серым термакадамом.

– Вы задремали. Мы на заправке. Пойду потрачу пенни¹.

– О... – Артур моргнул, приспособливаясь к реальному миру и все еще чувствуя руку Мириам в своей. Он так сильно хотел быть с ней, целовать ее губы. Он потряс головой, выпрямился.

– Где мы?

– Почти доехали до Бирмингема. На дорогах спокойно. Ну же, выходите и разомните ноги.

Артур послушно вышел из машины и, взглянув на часы, удостоверился, что проспал два часа. Шагая к серому, похожему на бетонный куб, зданию, он жалел, что не может вернуться в тот же сон и снова быть со своей семьей. Все казалось таким реальным. Почему он не ценил те счастливые моменты, когда они случались?

Артур побродил по WHSmith и купил «Дейли мейл», а потом кофе в картонном стаканчике из автомата на улице. У кофе оказался землистый привкус. В вестибюле звенели игровые автоматы, мигали разноцветные огоньки и звучала веселая электронная музыка. В воздухе ощущался запах жареных луковых колечек и отбеливателя. Он бросил стаканчик с недопитым кофе в мусорную урну и пошел в туалет.

Вернувшись к машине, он оказался наедине с Натаном.

Парень снова сидел, положив ноги на приборную панель и демонстрируя молочно-белую лодыжку. Артур расположился на заднем сиденье и раскрыл газету. В ближайшую пару дней ожидалось наступление сильной жары. Май обещал стать самым жарким за последние десятилетия. Вспомнив о Фредерике, он подумал, что на два дня влаги ей должно хватить. Натан достал из пачки очередную желтую чипсину и, похрустев ею рекордно долгое, по мнению Артура, время, наконец изрек:

– Так вы с моей мамой, ну, это... сами знаете...

Артур подождал, но продолжения не последовало.

– Извини, я...

– Вы и мама. Вы, ну, знаете... – Он повернулся к Артуру и с нарочито аристократическим акцентом добавил: – Вы *встречаетесь*?

– Нет. – Артуру стоило немалых усилий не выдать смешанного с ужасом изумления. Интересно, с чего бы это у Натана завелись такого рода мысли? – Конечно нет. Мы просто друзья.

Натан кивнул с видом человека, умудренного жизненным опытом.

– Так у вас в гостинице отдельная комната?

---

¹ Потратить пенни (англ. spend a penny) – воспользоваться туалетом. – Здесь и далее прим. пер.

– Разумеется, отдельная.

– Просто подумал...

– Мы только друзья.

– Я заметил, что она готовит вам разные вкусности – пироги и все такое. Другим – только сладкое.

Другим «пропащим». *Мистеру Флауэрсу, у которого не все в порядке с головой. Затворнице миссис Монтон и прочей компании.*

– Я очень благодарен твоей маме за то, что она делает для меня. У меня *было трудное время, и она крепко помогла. И, знаешь, я не любитель сладкого.*

– Ну да. – Натан дожевал последние чипсы, сложил пустой пакетик и положил между верхней губой и носом, изобразив усы. – Моя мама помешалась на помощи другим людям. Прямо-таки святая.

Артур так и не понял, было это сказано с сарказмом или нет.

– Ваша жена. Она ведь умерла, да?

– Да, умерла.

– Паршивое, должно быть, дело, а?

В первое мгновение Артур едва сдержался, чтобы не вскочить, перепрыгнуть на переднее сиденье и вырвать свернутый в трубочку пакетик из-под носа у мальчишки. Как легко молодые относятся к смерти. Словно это некая далекая страна, куда они никогда не попадут. И как он смеет так пренебрежительно отзываться о Мириам. Артур вцепился ногтями в кожаное сиденье. Чувствуя, как вспыхнули щеки, он повернулся к окну, чтобы не встретиться с Натаном взглядом.

Какая-то женщина в черной футболке с изображением барсука тащила через парковку хнычущую дочку. Девочка сжимала в руке пакет «Хэппи-мил». Из красного «Форд-Фокуса» вышла еще одна дама, постарше, и тоже начала кричать, указывая пальцем на пакет. Представители трех поколений одной семьи спорили из-за гамбургера.

Не ответить на реплику было бы грубостью, но расписывать свои чувства Артур не стал.

– Да, паршивое, – подтвердил он, не заметив, что перешел на язык Натана.

– Ну вот и все. – Передняя дверца распахнулась, и Бернадетт поставила на пол несколько полных пакетов, после чего попыталась втиснуться сама. – Мы готовы? – спросила она, защелкивая ремень безопасности.

– Что у тебя там, мам?

– Ничего особенного. Несколько журналов, сок, вода и шоколадки в дорогу. Вы с Артуром можете проголодаться.

– Я думал, у тебя продукты в багажнике.

– Знаю, но свежий запас никогда не помешает.

– Может, как заселимся в гостиницу, выпьем чаю, – предложил Натан. – Будем там через час.

Артуру стало не по себе. Бернадетт определенно пыталась угодить.

– Вообще-то я бы немного перекусил, – сказал он, чтобы поддержать ее, хотя вовсе не хотел есть.

Бернадетт вознаградила его теплой улыбкой, большим батончиком «Твикс» и двухлитровой бутылкой кока-колы.

В комнате, которая досталась ему в гостинице, едва хватало места для односпальной кровати, расшатанного шкафа и стула. В углу приютилась самая маленькая раковина, которую он когда-либо видел, с кусочком мыла размером с маленький шарик моцареллы. Туалет и ванная (как сообщила ему хозяйка) находились этажом выше. Никаких ванн после девяти вечера не

разрешалось, а при смыве унитаза полагалось спускать только полный бачок, иначе содержимое не смылось бы до конца.

Артур так и не смог вспомнить, когда в последний раз спал на односпальной кровати. Непривычно узкая, она как будто подтверждала его статус вдовца. Постельное белье, впрочем, было чистое и свежее, и он, присев на край кровати, посмотрел в окно. По подоконнику расхаживала чайка, а за дорогой виднелся симпатичный парк.

Бывало, они с Мириам, добравшись до номера в гостинице, первым делом выпивали по чашечке хорошего чая и оценивали печенье, выложенное хозяином или хозяйкой для гостей. Заведение, вовсе не предлагавшее бесплатного угощения, получало большой жирный ноль. Простое злаковое удостаивалось двух баллов. С заварным кремом оценивалось на «четверку». Бисквитное со сливочным кремом, первоначально получившее от Артура «пятерку», впоследствии, когда он научился ценить его, подросло до отметки в шесть баллов. Любое печенье, имевшее вкус шоколада, но не содержащее его, заслуживало восхищения. Еще выше в рейтинге стояло шикарное печенье, обычно предлагаемое крупными гостиничными сетями – лимонно-имбирное или с шоколадной крошкой, – которое дотягивало до «восьмерки». Чтобы получить высшую оценку, печенье должно было быть домашнего приготовления, и такое попадалось очень редко.

В данном случае гостей ждала упаковка с двумя имбирными орешками. Сами по себе они были вполне приемлемы, но при виде этой парочки в одной упаковке у Артура дрогнуло сердце. Он достал один орешек, пожевал, затем свернул пакет и положил обратно на поднос. Оставшийся имбирный орешек предназначался Мириам. Артур так и не смог заставить себя съесть его.

Они договорились встретиться втроем за ужином в ресторане внизу. До назначенного времени оставалось еще два часа. Обычно они с Мириам надевали куртки и отправлялись на прогулку – осмотреть окрестности, сориентироваться и спланировать программу следующего дня. Выходить один Артур не хотел. Открывать что-то в одиночку – ну какой в этом смысл? Глядя в окно, он увидел направившегося к парку Натана. Одну руку парень держал в кармане, в другой у него была сигарета. Интересно, подумал Артур, знает ли Бернадетт об этой дурной привычке сына?

Он достал из кармана коробочку и открыл ее на подоконнике. Даже привыкнув к браслету, он никак не мог связать его с женой, как и не мог представить украшение, столь массивное и броское, на ее тонком запястье. Мириам гордилась своим элегантным вкусом, и ее часто принимали за француженку из-за приверженности классике. Она и сама часто говорила, что восхищается тем, как одеваются французские дамы, их изысканностью и утонченностью, и мечтала побывать однажды в Париже.

Заболев и уже чувствуя себя плохо – у нее началась одышка, – Мириам и одеваться стала иначе.

Темно-синие шелковые блузки, кремовые юбки и жемчуга уступили место бесформенным кардиганам. Ее единственной целью было согреться. Она зябла даже на солнце. Сидя в анораке в саду, подставив лицо солнцу, Мириам как будто бросала ему вызов: *«Ха! Ты меня не проймешь!»*

– Не могу понять, почему ты не рассказала мне об Индии, – произнес он вслух. – История мистера Мехры не самая веселая, но тебе стыдиться нечего.

Сорока по другую сторону окна посмотрела на него, а потом перевела взгляд на браслет. Артур постучал по стеклу.

– Кыш. – Подняв коробочку, он в который уже раз оглядел шармы.

Цветок состоял из пяти цветных камешков, окружающих крошечную жемчужину. На палитре лежала миниатюрная кисть и шесть эмалированных капелек, изображавших краски.

Рычащий тигр обнажил острые золотые зубы. Артур снова посмотрел на часы. До обеда оставался еще час и сорок пять минут.

Дома он уже бы поел. Они с Мириам всегда обедали в половине шестого, и, оставшись один, Артур не стал менять традицию. Пока она готовила, он накрывал на стол, потом мыл посуду, а она вытирала тарелки и приборы. Единственное отступление от заведенного порядка допускалось в пятницу, когда они садились перед телевизором и ели рыбу, жареную картошку и гороховое пюре прямо с полистиролового подноса. Артур откинулся на подушку, заложив руки за голову. Без жены и еда стала другой.

Чтобы заполнить чем-то оставшееся до обеда время, Артур попытался составить план на следующий день. Перспектива получить свою чашку чая и завтрак в обычное время представлялась туманной. Он еще раз перечитал записанное на клочке бумаги расписание поездов и постарался его запомнить.

Артур представил, как лорд Грейсток шагает ему навстречу с протянутой рукой и приветствует, словно старого друга. Следующее мысленное упражнение – стоящая на коленях Мириам играет в марблы с детишками в Индии – далось труднее. Воображение отказывалось понять такое.

Выиграв всего десять минут, Артур взял пульт дистанционного управления и включил миниатюрный телевизор, несколько криво висевший на стене. Попереключав каналы, он остановился и начал смотреть один из эпизодов сериала «Коломбо», до конца которого оставалось двадцать минут.

Люси и черепаха

Люси Пеппер остановилась у двери своего старого дома и, подняв голову, посмотрела на окно своей бывшей комнаты. С каждым ее возвращением сюда дом как будто уменьшался в размерах. Когда-то он казался таким просторным, и они с Дэном бегали вверх-вниз по лестнице, а мама и папа читали в гостиной. Они всегда были вместе, как те фарфоровые собачки, что сидели на противоположных концах каминной полки.

Ее отец, некогда сильный, высокий и крепкий, теперь тоже словно поник и съезжился. Прямая в прежние времена спина согнулась. Черные волосы, которые она раньше любила ерошить, а потом наблюдать, как они возвращаются в прежнее положение, теперь сделались жесткими и побелели. Все произошло так быстро. По-детски невинное представление о том, что твои родители будут жить вечно, раскололось на кусочки.

Все, чего Люси когда-либо хотела, это стать мамой. Даже маленькой, играя с куклами, она воображала себя мамой с двумя детьми. Были ли это мальчик и девочка, два мальчика или две девочки, значения не имело. В тридцать шесть лет она уже должна была бы быть матерью с детьми. Из соцсетей она знала, что одна из ее одноклассниц даже успела стать бабушкой. Ей так хотелось почувствовать на своих щеках легкие липкие поцелуи.

В наше время признаваться в этом было как-то странно. Разве она не должна стремиться к блестящей карьере или хотеть путешествовать по миру? Но Люси желала лишь походить на свою маму, Мириам, которая была так счастлива, воспитывая двоих детей. У них с папой был идеальный брак. Они никогда не ссорились, зато смеялись над шутками друг друга и держались за руки. Когда-то Люси такое их поведение даже смущало – надо же, ее мама и папа гуляют, обняв друг друга за талию, будто влюбленные подростки. Лишь потом, когда она сама стала ходить на свидания и никак не могла найти того, кто бы бережно клал руку на спину, словно оберегая нечто драгоценное, Люси поняла, что было у ее родителей. Она, конечно, не нуждалась в защите, так как имела коричневый пояс по карате, но чувствовать вот такое внимание и заботу было бы приятно.

Ее брат, Дэн, к тому, чтобы стать родителем, ни малейшего интереса не проявлял. Все его усилия были направлены на создание собственного бизнеса и устройство жизни за границей. Казалось несправедливым, что ему и его жене Келли удалось произвести на свет двух великолепных детей, причем с первой же попытки. Дэн всегда считал себя везунчиком, тогда как Люси все – будь то брак, отношения с отцом или работа – давалось с трудом.

Лежа ночью в постели и представляя идеальную жизнь, она видела себя в парке с мужем и детьми, смеющейся и раскачивающей качели. Ее мама тоже была там – с готовым запасом салфеток и поцелуев для поцарапанных коленок.

Но здесь мамы не было и никогда больше не будет. Она никогда не увидит и не подержит на руках внуков, которых Люси еще даже не родила.

Будучи учительницей в местной начальной школе, Люси заметила, что мамы, приводящие своих детей в школу, теперь моложе нее. Она поморщилась, подумав о том, что потратила

так много своего времени на Энтони. Это он настоял на том, чтобы они провели еще один отпуск за границей, прежде чем она выбросит свои противозачаточные таблетки. Прежде чем начать делать ребенка, им стоит побаловать себя новым диваном. Их приоритеты категорически не совпадали.

Во всяком случае, Люси перестала принимать таблетки без его ведома. Вопреки своей обычной осторожности, она понимала, что в этой ситуации ей нужно стать человеком, который сначала действует, а потом разбирается с последствиями. Если бы Энтони добился своего, то и в пятьдесят лет все еще раздумывал бы о том, заводить детей или нет. Как бы то ни было, через несколько недель она забеременела, а потом, несколько месяцев спустя, вернулась в прежнее состояние.

Энтони ушел, мамы не стало. И вместе с ними мечты Люси о семье испарились, как духи, разлитые на солнце.

Она до сих пор корила себя за то, что не была на похоронах мамы. И что же это за дочь такая? Никудышная, вот какая. Она должна была попрощаться с мамой. Но это было невозможно. Она даже не сумела объяснить отцу причину своего отсутствия. В записке, которую Люси написала и просунула в его дверь, говорилось: *«Прости, папа, я не могу пройти через это. Прощайся за меня с мамой. С любовью, Люси ХХХ»*.

Потом она снова легла в постель и не вставала целую неделю. Ее отец погрузился в рутину. Когда она все-таки навестила его, то почувствовала себя помехой. Он постоянно смотрел на часы и делал какие-то свои мелкие дела, как будто ее не было рядом, как будто они двое существовали в параллельных вселенных. В свой последний визит к нему она поставила чайник и приготовила две чашки чая. А потом отец отказался, сказав, что пьет чай только в половине девятого утра, в одиннадцать и иногда в три часа.

Люси как будто побывала в гостях у Говарда Хьюза.

Как бы она хотела, чтобы мама была здесь и решила эту проблему. Она представляла, как войдет в дом и застанет ее за кухонным столом или подрезающей розовые кусты в саду. Люси даже поймала себя на том, что протягивает руку в пустоту, чтобы положить ее на хрупкие плечи матери.

К сожалению, и брат не проявлял большого интереса ни к ее жизни, ни к жизни отца. В отношениях Дэна и папы всегда присутствовала напряженность, как будто двое мужчин не могли полностью принять привычки и характеры друг друга. Они походили на две детали головоломки с одинаковым кусочком неба, но не совпадающие друг с другом. Это стало еще более очевидным теперь, когда не стало мамы, и Люси пришлось напоминать папе и брату, как и когда общаться.

Когда Люси возвращалась домой после утомительного часа, проведенного в компании с отцом, ей хотелось, чтобы рядом был кто-нибудь, кто мог бы обнять и сказать, что все будет хорошо.

Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как Энтони ушел от нее. Кому-то сцена могла показаться банальной, но однажды, придя домой с работы, Люси обнаружила его чемодан в прихожей. Сначала она подумала, что он, возможно, едет в командировку и просто забыл предупредить ее. Но потом Энтони пришел за чемоданом, и она *поняла*. Глядя в пол, он промямлил: «У нас ничего не выходит, Люси. Мы оба знаем, что не выходит».

Люси не хотела умолять. И все-таки умоляла. Говорила, что хочет, чтобы он остался, что он отец ее будущих детей. Что, как бы они ни ругались раньше, теперь все в прошлом. Они могут двигаться дальше. Вместе. Люси знала, что после смерти матери не уделяла Энтони должного внимания. И после того, как они потеряли ребенка, тоже.

Когда она закончила, он покачал головой.

– У нас все так тяжело. Столько печалей. Я хочу быть счастливым. Хочу, чтобы ты была счастлива. Но нашего желания мало, слишком много всего у нас накопилось. Надо расстаться и не топтаться на месте. Мне нужно уйти.

В прошлом месяце Люси заметила Энтони в ярко освещенном проходе магазина. Он был с другой женщиной и толкал тележку с покупками. Незнакомка немного походила на Люси – коротко подстриженные волосы и длинная шея. Люси проследила за ними от прохода с фруктовыми соками до замороженных десертов, но дальше не пошла. Если бы Энтони заметил ее, то, наверное, подумал, что она его преследует, и представил своей новой подруге, и тогда Люси пришлось бы улыбнуться и сказать, как мило, что они встретились, но вообще-то она всего лишь заскочила за свежей клубникой и ей надо бежать.

Потом, дождавшись, пока Люси удалится, он наклонился бы к новой подруге и, понизив голос, сказал: «Моя бывшая. Потеряла нашего ребенка на пятнадцатой неделе беременности и с тех пор сама не своя. В ней как будто сломалось что-то. Мне пришлось уйти». И подруга кивнула бы сочувственно и сжала его руку, как бы заверяя, что уж она-то в смысле фертильности в полном порядке, и, если только он пожелает создать семью, ее тело не подведет, осечки не будет.

Люси хватило сил продержаться до кассы, но на площадке с тележками она расплакалась и долго не могла поставить тележку на место, безуспешно тараня ею другие. В конце концов она ушла, оставив в слоте свой жетон с белой йоркширской розой на нем. Незнакомый мужчина с толстой, шире ее талии, шеей предложил салфетку, и она высморкалась, вернулась домой и выпила полбутылки водки.

После этого Люси снова сменила фамилию. Как бы там ни было, Люси Пеппер звучало намного лучше, чем Люси Брэнниган. Она молча и быстро избавила дом от всех напоминаний об Энтони и выбросила в мусорное ведро скидочные талоны на детское молоко, сертификаты на подгузники и прокладки для груди. Под старой фамилией она чувствовала себя сильнее, более подготовленной к новой встрече с жизнью.

И вот теперь она стояла перед домом, в котором выросла, где мама и папа тысячи раз меняли ей подгузник. На душе стало теплее. Люси улыбнулась и позвонила в дверь. Через украшенное маргаритками стекло входной двери она видела висящее в прихожей отцовское пальто. На коврике у двери лежала кучка почты. Странно, что он до сих пор не забрал письма и газету.

Она снова позвонила в колокольчик и постучала в дверь. Ничего.

Подняв глаза, Люси увидела, что все окна закрыты. Она прошла вдоль дома в сад, но и там не обнаружила никаких признаков его присутствия.

Люси прищурилась от яркого солнца. Может быть, если она найдет отца, то сумеет убедить его сходить в садовый центр. День был прекрасный.

Она закончила работу на час раньше. В школе устроили день спорта, и ей бы следовало находиться там, накладывая пластыри на сбитые колени или подавать апельсиновый сок. Но, наблюдая за детьми, участвующими в забеге с ложкой и яйцом, она ощутила глубокую потребность быть со своим отцом. Когда Дэн уехал в Австралию, а мамы не стало, он был ее единственным близким человеком. Она сослалась на мигрень и уехала подальше от смеха и аплодисментов, когда начались эстафетные забеги.

Люси встала на цыпочки, прикрыла глаза ладонью и заглянула в заднее окно. Фредерика выглядела немного жалко с опустившимися листьями. С некоторых пор у отца развилась странная привязанность к этому растению.

И тут ее осенила ужасная мысль. А если он умер? Он мог упасть с лестницы или умереть в постели, как мама. Возможно, лежит на полу в ванной и не может пошевелиться. О боже. Паника свилась жгутом в животе. Она снова двинулась к передней двери.

– Я могу вам чем-то помочь?

Мужской голос донесся из сада напротив. Это был папин сосед, тот, что носил бандану. Люси уже видела его раньше. Он опирался на свою газонокосилку, и со стороны казалось, что в руках у него коричневая перевернутая миска.

– Я пришла навестить папу, звоню, но никто не отвечает. И уже беспокоюсь – вдруг упал или что-то еще. Вы ведь Терри, да? – Она посмотрела влево-вправо и через улицу.

– Он самый. Вы не беспокойтесь. Ваш отец вышел сегодня утром из дома с чемоданом.

Люси растерянно провела ладонью по волосам.

– С чемоданом? Вы не ошиблись?

– Нет. Думаю, он отправился к дому той леди с крашеными волосами.

– Бернадетт? – Как-то раз, приехав к отцу, Люси обнаружила Бернадетт за кухонным столом, более того, на мамином месте, рядом со свежими сосисками в тесте. Сама Люси не готовила и либо ставила все в микроволновку, либо клала на гриль.

– Как зовут, не знаю. Они сели в машину. За рулем был парень. Такой, с челкой до глаз. Уж и не знаю, как он на дорогу смотрит.

– Мой отец сказал, куда едет?

Терри покачал головой.

– Нет. А вы его дочь? У вас такие же глаза.

– Неужели?

– Точно. Нет, куда собрался, не сказал. Он у вас не слишком-то разговорчивый, верно?

– Не слишком, – согласилась Люси и прищурилась. Маленькая коричневая чашка в руках у Терри зашевелилась. Откуда-то высунулась голова, и на Люси уставились два глаза. – Это ведь у вас черепашка, да?

Терри кивнул.

– Убежала от соседей. Нравится ей моя лужайка, хотя и не знаю почему. Люблю, когда трава аккуратно подстрижена. Есть малышке особенно нечего. Каждый раз, когда сбегает, я ее ловлю и соседям возвращаю. Вы их знаете?

Люси сказала, что нет.

– Что вашему отцу передать, если увижу? Что вы его искали?

Люси сказала, что да, это будет излишним, и что она еще постарается ему позвонить.

Куда мог отправиться папа, тем более с чемоданом? Обычно требовались немалые усилия, чтобы убедить его сходить в деревню за молоком.

– Может быть, стоит дать черепашке погулять немножко на воле и утолить жажду приключений? Потом, погуляв, она, может быть, сама с удовольствием вернется в свой загон, или что там у нее.

– Как-то мне это и в голову не приходило. – Терри повернул черепашку к себе. – Ну, ты-то сама что об этом думаешь?

– Спасибо за помощь, – рассеянно бросила Люси через плечо и направилась к дороге, где уселась на край большой цветочной клумбы, достала телефон и набрала номер. Ждать пришлось долго – как обычно, отцу требовалось время, чтобы вспомнить, куда он положил мобильный или какую кнопку нужно нажать. Наконец из трубки донесся его голос:

– Алло. Это Артур Пеппер.

– Папа, это Люси, – с облегчением выдохнула она.

– О, привет, милая.

– Я возле дома, но тебя нет.

– Не знал, что ты собираешься приехать.

– Я... просто хотела тебя увидеть. Твой сосед, тот, что стрижет лужайку, сказал, что видел тебя с чемоданом.

– Так и есть. Я решил побывать в Грейсток-Мэнор. Это место, где живут тигры, в Бате.

– Я о нем слышала. Но, папа...

– Бернадетт и ее сын, Натан, едут в том же направлении и пригласили меня составить им компанию.

– И ты согласился поехать?

– Да. Натан хочет посмотреть университеты, ну я и решил... перемены ради...

Люси закрыла глаза. Ее отец не выпил бы с ней чашку чая, если бы это не было запланировано заранее, а теперь сбежал с этой своей рыжеволосой соседкой. Он отсиживался в доме целый год. Люси чувствовала, что не все в этой внезапной поездке так просто, что отец скрывает что-то от нее.

– В такие путешествия без причины не пускаются.

– Зато я не сижу больше дома.

Люси забеспокоилась. Одиноким человек уязвим. В газетах полно историй о доверчивых пенсионерах. Она не знала, что и думать. Почему он согласился ехать с Бернадетт до самого Бата, когда она не могла уговорить его сходить в садовый центр? Люси попыталась сдержать беспокойство, уже звучавшее в ее голосе.

– Когда ты возвращаешься домой?

– Пока не знаю. Сейчас я в гостинице, а завтра уезжаю в Грейсток. В общем, мне пора идти, дорогая. Я позвоню тебе, когда вернусь, хорошо?

– Папа... папа... – Связь оборвалась. Люси уставилась на мобильный. Сначала она хотела перезвонить, но потом начала думать о других его странных привычках, о строго регламентированном распорядке дня. В последнее время он постоянно носил этот ужасный горчичный жилет. Не звонил ей неделями. И разговаривал с папоротником.

Она никогда не думала о своих родителях как о стариках, пока не умерла мама. Но время, похоже, пришло. Если отец будет не в состоянии обслуживать себя сам, ей придется обратиться за помощью или подумать о доме престарелых. Интересно, как быстро может прогрессировать слабоумие.

У нее пересохло во рту, когда она представила, как помогает ему подняться наверх, кормит с ложечки, отводит в туалет. Вместо ребенка ей придется заботиться об отце.

Люси встала и, чувствуя слабость в коленях, направилась к садовой калитке. Вдобавок ко всему остальному, что пошло не так в ее жизни, теперь перед ней маячила перспектива присматривать за отцом, страдающим от деменции.

Кровать и завтрак

Завтрак в гостинице подавали внизу, и ароматы из столовой доносились восхитительные. Дома они с Мириам ели только кашу. Делая тост, он брал маргарин, предпочитая его сливочному маслу. Мириам предупреждала насчет холестерина, хотя доктор, проведя соответствующий тест, заверил, что уровень у него достаточно низкий. Артур привык, просыпаясь, вдыхать запах свежевystиранных простыней, но никак не настоящего английского завтрака. Какое наслаждение. Жаль только, что жена не могла разделить с ним это удовольствие.

Хотя Артур и вздремнул в машине по пути к гостинице, он проспал всю ночь напролет и проснулся утром от криков разгуливающих по крыше чаек.

Накануне, после телефонного разговора с Люси, Артур почувствовал, что утомился. Постучав в соседнюю дверь, он спросил у Бернадетт, не обидится ли она, если он не составит им компанию за обедом. Бернадетт кивнула, но по ее взгляду он понял, что она в нем разочарована.

Артур принял душ, побрился и взял курс на столовую. Зал радовал глаз желтыми скатертями, шелковыми нарциссами и открытками с видами побережья в рамках на стене. Бернадетт и Натан уже сидели за столиком на четверых у окна.

– Доброе утро, – бодро поздоровался Артур, выдвигая стул.

– М-м-м, – промычал Натан, тыча ножом в цветы.

– Доброе утро. – Бернадетт протянула руку, останавливая сына. – Хорошо спали?

– Как убитый. А вы?

– К сожалению, не выспалась. Проснулась около трех, и тут мысли всякие завертелись, завертелись... Как ни старалась выбросить из головы, ничего не получилось.

Артур уже собирался спросить, какие такие мысли не давали ей покоя, но тут молоденькая официантка, одетая в элегантную черную юбку и желтую блузку, предложила чай или кофе. Он заметил, что на одном запястье у нее вытатуирован якорь, а на другом – роза. Эта новая тенденция, быстро распространившаяся среди юного поколения, представлялась ему тревожной. Он не мог понять, почему такая хорошенькая девушка хочет походить на моряка. Но потом он укорил себя за ворчливость и занудство. Мириам всегда поощряла его быть более либеральным.

– Мне нравятся ваши тату, – сказал он и ободряюще улыбнулся. – Очень милые.

Официантка одарила его смущенной улыбкой, как будто знала, что татуировки выглядят так, будто их сделал малыш, получивший доступ к игле и банке с чернилами. Артур заказал чай и полный английский завтрак без жареных помидоров.

Потом они с Бернадетт одновременно встали и подошли к буфету, на котором стояли мини-коробки с хлопьями и стеклянный кувшин с молоком. Артур выбрал рисовые и вернулся к столу. Бернадетт взяла две коробки кукурузных с сахаром.

– В этих коробочках всегда так мало, что никогда не хватает, – пожаловалась она.

Ели все трое молча. Натан, казалось, вот-вот уснет прямо за столом – он сидел, опустив голову, и его челка опасно нависала над чашкой. После того как они закончили, официантка забрала посуду и принесла заказанные завтраки.

– Сосиски выглядят весьма аппетитно, – заметил Артур, обращаясь к Натану в надежде немного расшевелить парня.

– Мм, – промычал Натан.

– Ты хочешь сказать, да, вполне, – поправила сына Бернадетт.

Он не ответил и вообще никак не отреагировал на замечание и, наколов сосиску на вилку, так ее и съел. Артур с трудом удержался, чтобы не пнуть его под столом. В том, что Бернадетт обучила парня застольным манерам, он ничуть не сомневался.

– Хотим посмотреть сегодня первый университет. Вроде бы стоящий, – заметила Бернадетт. – Вы с нами, Артур?

– Если вы не против, я поеду в Грейсток. Сначала на поезде до Бристоля, а оттуда уже в Бат.

– По-моему, у них там открыто только по пятницам и субботам, а сегодня четверг.

– Мне и не надо, чтобы было открыто. Я постучу в дверь.

– Может быть, в таком случае вам стоит позвонить заранее...

Артур был не в том настроении, чтобы выслушивать советы и рекомендации насчет того, что ему стоит делать, а чего делать не стоит. Он поставил перед собой цель и намеревался достичь ее, исполнив таким образом свою миссию.

Оставив предложение без ответа, он взялся нарезать бекон.

– Откуда нам потом забрать вас?

– Об этом я вас не прошу. Доберусь до дома сам. Из поместья.

Лицо у Бернадетт немного вытянулось.

– Вы не сможете. Это займет у вас уйму времени. Здесь у нас забронировано только на одну ночь.

– Вы и так сделали для меня вполне достаточно, – твердо сказал Артур. – Я побываю в поместье, а дальше видно будет.

– Только не торопитесь и не предпринимайте ничего сгоряча. Позвоните и дайте мне знать. Мы с удовольствием доставим вас домой. Я хочу вернуться к уроку.

– К уроку?

– Мама занимается танцем живота, – усмехнулся Натан.

В голове у Артура сам по себе возник образ Бернадетт, в пурпурном шифоне трясущей бедрами.

– Не знал. Похоже, это что-то... мм, энергичное.

– Да, какая-никая физическая активность.

Натан снова ухмыльнулся.

– Как вам бекон? – не обращая внимания на сына, спросила Бернадетт.

– Отличный. – Артур обрадовался перспективе провести какое-то время в одиночестве. Что бы ни выяснилось относительно Мириам – это дело частное. И он хотел быть наедине со своими мыслями. – Люблю, когда бекон хрустит. И не беспокойтесь обо мне. Я вполне в состоянии посетить поместье сам по себе.

Тигр

Бернадетт и Натан высадили Артура на железнодорожном вокзале Челтнема. По прибытии в Бат он решил пройти две мили до поместья Грейсток пешком.

В то время это казалось хорошей идеей. Светило солнце, пели птицы. Артур радостно тронулся в путь, катя за собой чемодан через привокзальную площадь, мимо очереди черных такси. По карте, которую он набросал на листе бумаги, путь лежал через небольшую кольцевую развязку, к дороге категории В, которая вела напрямик к поместью. Чувствуя себя настоящим искателем приключений и гордясь собой за самостоятельно принятое смелое решение, Артур уверенно тронулся в путь.

Тротуар, однако, вскоре кончился, и он обнаружил, что пробирается через крапиву и чертополох, больно покусывающие за лодыжки. Шагая по пересеченной местности, Артур пожалел, что не надел крепкие броги вместо серых замшевых мокасин. Тащить чемодан по камням и гравии, которыми была усыпана дорожка, становилось все труднее. Временами его приходилось просто нести.

– Эй, дедуля! – Мимо пронеслась блестящая красная спортивная машина, в заднем окне которой мелькнула чья-то задница.

Примерно через полмили тропинка сузилась. Он обнаружил, что зажат между колючей живой изгородью и широким и высоким каменным бордюром. Не в силах больше продолжать путь в выбранном режиме, Артур остановился и некоторое время стоял, согнувшись, положив руки на колени и переводя дыхание. Самой дальней его вылазкой после смерти Мириам был поход в почтовое отделение. И вот в итоге его физическое состояние оставляло желать много лучшего.

В живой изгороди был просвет, и Артур, отдуваясь, наблюдал сначала за беспокойным шмелем, потом за коровами, безмятежно жевавшими что-то на лугу, и за вспахивающим поле красным трактором. Передохнув, он зашагал дальше, но, едва сделав несколько шагов, наткнулся на груды кирпичей и проволочную корзину для покупок. Это стало последней каплей. Тащить чемодан в одиночку было нелегко. Артур поднял его, засунул в брешь в кустах и замаскировал веточками.

Оглядевшись, он мысленно отметил свое местоположение. Сейчас он находился напротив дорожного знака, извещавшего о распродаже в ближайшее воскресенье, и еще одного с надписью «Ферма Лонгсдейл, 1 миля». План был прост: посетить поместье и на обратном пути забрать чемодан, который был сделан из прочного нейлона, и недолгое пребывание в живой изгороди повредить его не могло.

Без багажа идти стало легче. Обычно планированием поездок занималась Мириам. В доме появлялись маленькие кучки вещей – нижнее белье, бритвенные принадлежности, две упаковки печенья, солнцезащитный крем. Артур подозревал, что жена вряд ли бы одобрила то, как он решил проблему с чемоданом. Тем не менее он был доволен собой, своей находчивостью и способностью принимать решения. Так или иначе, цель приближалась.

Впрочем, до Грейстока было еще далеко, и Артур стойко двигался вперед, не останавливаясь даже, чтобы полюбоваться белеющей под кустами пастушьей сумкой или полем желтого рапса. Он отказался от предложения подвезти, сделанного парой привлекательных светловолосых девушек, проезжавших мимо в серебристом кабриолете, а также сообщил водителю трактора, что, спасибо за внимание, но он не заблудился. Люди здесь действительно были довольно приятными, и он уже простил инцидент с голой задницей, которую продемонстрировали мальчишки в красной машине. Перегрелись, должно быть, на солнце.

Ворота поместья Грейсток встретили его облупившейся деревянной вывеской. Добрая половина букв отвалилась, но прочесть надпись не составило труда: «Добро пожаловать. Грей Мэн». Наверно, знали, что я приду, подумал Артур и с тревогой уставился на длинную подъездную дорожку, которая, изгибаясь, вела к поместью. Само здание уже виднелось за деревьями.

Когда-то Грейсток был великолепен, но теперь былой гламур потускнел, и он выглядел угрюмым, как в фильмах 80-х. Дорические колонны, высившиеся по обе стороны от передних дверей, постепенно разрушались. Камень был того же цвета, что и пыль, собиравшаяся в пылесосе Артура марки Dyson. В некоторых окнах на верхнем этаже не хватало стекол.

Минуто-другую Артур стоял, подбоченясь, полностью отдавая себе отчет в том, что собирается раскрыть еще одну главу жизни Мириам, и не знал, радоваться ему или бояться.

К этому времени у него обострились определенные физиологические потребности.

Он огляделся, словно надеясь на чудесное появление туалета из ниоткуда. Единственным реальным вариантом было найти куст. Успокаивая себя тем, что поблизости нет туристов, которые могли бы его увидеть, он направился в подлесок, где и облегчился. Серая белка подпрыгнула, бросила на него быстрый взгляд и взбежала на дерево, откуда наблюдала за ним, подергивая усами. К счастью, в кармане нашлась пачка влажных салфеток, и он вытер руки, прежде чем продолжить путь.

Дыхание уже вырывалось короткими хрипами, когда он подошел наконец к двери. Пожалуй, все же стоило принять предложение Бернадетт. Надо признать, временами он был тем еще упрямым.

Поместье окружали высокие черные железные перила. На двойных воротах висел тяжелый замок. Артур прижался к перилам и заглянул внутрь. Двери в холл были закрыты. Почему он вообразил, что может просто прогуляться до поместья и позвонить в дверь? Ноги болели, а руки сделались липкими от влажной салфетки.

Артур стоял там по меньшей мере десять минут, в полной растерянности, не зная, каким может быть его следующий шаг. Но затем его внимание привлекло движение – что-то синее мелькнуло за розовыми кустами в саду. Лорд Грейсток. Артур поднялся на цыпочки. Из кустов выдвинулась фигура. На лорде были брюки цвета электрик и ничего выше пояса. Грудь его была красной, как у вареного омара.

– Здравствуйте, – окликнул Артур. – Здравствуйте, лорд Грейсток.

Лорд не ответил – то ли не услышал, то ли не обратил внимания. И вот тогда Артур увидел спрятавшийся в ветвях бронзовый колокольчик с изогнутой ручкой. Он потянул за ручку, но звук приглушила листва. Артур подпрыгнул и попытался развести ветки, но они тут же сомкнулись снова. Он еще раз потянул за ручку, но нужного эффекта не добился. Оставалось только наблюдать. Между тем лорд Грейсток сунул руки в карманы и направился к розовым кустам – то ли насладиться ароматом цветов, то ли заняться сорняками. Над поясом брюк колыхался округлый красный живот.

«Он что, глухой?» – с раздражением подумал Артур. Как ему вообще удалось собрать гарем? Конечно, Мириам не могла быть одной из его девушек.

Расстроенный неудачей, Артур прошел вокруг площадки вдоль перил, ведя по ним пальцами на ходу. Время от времени он останавливался, приподнимался на цыпочки и заглядывал в сад. Поместье напоминало крепость.

Тем не менее в одном месте, там, где тыльную сторону дома защищал огромный дуб, перила тянулись от невысокой кирпичной стены. В голове у Артура шевельнулась идея.

Предварительно оглядевшись и убедившись, что за ним никто не наблюдает, он попытался поднять правую ногу, чтобы встать на стену и заглянуть поверх перил для лучшего обзора участка. Однако первое же движение привело к тому, что в колене отчетливо и пугающе хрустнуло. Артур наклонился, потер его и попробовал снова. Сложив руки под коленной чашечкой, он поднял правую ногу так, чтобы можно было ступить на стену. Затем, ухватившись за перила, оторвал от земли и потянул вверх левую ногу. Почувствовав, что и вторая нога твердо стоит на стене, Артур испытал подзабытое чувство эйфории. *«Жив еще старый пес»*. Позволив себе короткую передышку, он снова прижался лицом к перилам.

И тут же, вслед за невнятными звуками какой-то свары, перед ним появился терьер, уставившийся на него оранжевыми глазами. За терьером возникла леди в шелковом платке с узором на голове и куртке Barbour цвета хаки. Оглядев незнакомца с ног до головы, она спросила:

– Я могу вам чем-то помочь?

– Нет, все в порядке. Спасибо. – Он постарался принять расслабленную позу, продолжая обеими руками держаться за перила.

Дама, однако, этим ответом не удовлетворилась.

– Что вы пытаетесь сделать?

Раздумывать было некогда.

– Вообще-то, пытаюсь отыскать мою собаку. Думаю, она могла забраться на вашу створону.

– Знаете, перила здесь никак не меньше десяти футов.

– Да. – Он кивнул. Если ничего не говорить и не объяснять, то, может быть, она просто уйдет. Надо только побыть статуей.

Дама поджала губы.

– Я выгуливаю собаку и вернусь через десять минут. Если вы еще будете здесь, вызову полицию. Вы поняли?

– Понял. – Артур потряс ногой, поправляя штанину, задрывшуюся вверх во время штурма стены и зацепившуюся за носок. – Уверю вас, я не грабитель.

– Рада слышать. Надеюсь, вы найдете свою собаку. Десять минут...

Артур подождал, пока она уйдет. Сегодняшний день обернулся катастрофой. Надо было остаться дома и почитать «Дейли мейл». Но потом на той стороне ограды снова мелькнули брюки цвета электрик. Черт возьми. Нужно любыми средствами привлечь внимание этого человека. Он встал и со всей силой подергал перила, но они даже не шелохнулись. Артур снова замахал рукой.

– Лорд Грейсток! Лорд Грейсток! Лорд Грейсток! – кричал он, чувствуя себя последним идиотом на рок-концерте. Но сработать-то должно. Ради этого он проделал такой долгий путь. Пошел против внутреннего голоса, призывавшего оставаться дома, в привычной повседневной жизни. Нет, он не вернется, не получив ответа.

Женщина с собакой вот-вот снова будет здесь. Действовать нужно быстро и решительно. Подняв голову, Артур увидел металлический выступ на верхней части перил. Сбрав в кулак все силы, он подтянулся, поднял ногу, выпрямился и оказался на самом верху. Секунду-другую он пребывал в нерешительности. *«Ну же, сэр Эдмунд Хиллари. Вперед, старина»*. Сохранив

равновесие, Артур перекинул через перила вторую ногу и прыгнул, не заметив, что штанина зацепилась за железную лилию, украшавшую верхушку перил.

Сопровождаемый громким треском материи, он свалился на лужайку и увидел, что левая штанина разорвана до бедра, так что со стороны могло показаться, будто на нем какой-то странный саронг. Не важно. Его песня в любом случае спета. Он встал и зашагал к особняку, демонстрируя полуголую ногу.

Под ногами, сверкая в лучах плавающего солнца, поскрипывала влажная трава. Прекрасный день. Артур с облегчением вздохнул. Защебетали птицы, и красная бабочка-адмирал на несколько секунд опустилась ему на плечо.

– Привет. Я здесь, чтобы узнать о своей жене. – Артур поднял голову, чтобы посмотреть, как она улетает, и не заметил кирпич на лужайке. Он споткнулся и, не устояв на ногах, упал на бок и перекатился на спину.

Словно сбитый жук, Артур беспомощно задвигал руками и ногами и попытался подняться, но сил явно не доставало. Он застонал. Падение его dokonало. В лодыжке пульсировала боль. Надо ж такому случиться. Преодолеть головокружительную высоту перил и наткнуться на кирпич.

Артур бессильно вытянул ноги, раскинул руки и посмотрел на небо. Оно было цвета веджвудского фарфора, и в нем плыло облако в форме птеродактиля. За пролетевшим самолетом тянулся паровой след, уходивший все выше и выше. Кирпич лежал рядом с ухом. По краям он был сколот, как будто его жевали.

Втянув живот, Артур снова попытался выпрямиться и сесть, но у него снова ничего не получилось. «Идиот», – вздохнул он. Снова придется какое-то время изображать статую. Интересно, попадалась ли ему когда-нибудь распростертая статуя? Хм, пожалуй, нет. Подняв ногу, он попытался повернуть вывихнутую лодыжку. Она повернулась, хотя и со щелчком. Все было не так плохо, как показалось вначале. До поместья рукой подать. Еще несколько минут, и он перевернется на бок и встанет. Если понадобится, то даже поползет.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять – он не один.

Сначала Артур ощутил вибрацию под кончиками пальцев, потом зашуршала трава. Что-то коснулось его правой ноги. Собака? Белка? Он попытался пошевелить головой, поднять ее, но боль пронзила шею. Черт. Как же больно.

В следующее мгновение небо заслонило что-то большое. Что-то с мехом. Что-то оранжевое, черное и белое.

О боже милостивый. *Нет.*

Над ним стоял тигр. Его морда была так близко, что Артур ощущал тяжелое, горячее дыхание на своей щеке. Он уловил безошибочный запах мочи. Что-то тяжелое надавило на плечо, прижимая его к земле. Лапа. Огромная лапа. Артур хотел зажмуриться, но не мог – громадный зверь как будто гипнотизировал свою жертву.

У тигра были черные губы и усы толщиной с крючок для вязания. Зверь скривился, и струйка слюны потекла вниз, прямо Артуру в ухо. Он хотел утереться, но не осмеливался пошевелиться. Вот оно. Ему крышка. Артур чуточку повернул голову, и слюна упала на траву.

Выбирая предпочтительный вариант собственной смерти (а он часто думал об этом теперь, когда Мириам ушла), Артур останавливался на самом простом: уснуть и не просыпаться – но чтобы кто-нибудь быстро его нашел. Не хватало только протухнуть. И хорошо бы выглядеть безмятежным, чтобы лицо не исказила гримаса боли или чего-то еще. Он предполагал, что найдет его Люси, и страдальческое выражение стало бы для нее шоком. Хорошо бы предчувствовать свою смерть и подготовиться к ней. Зная, что через пятнадцать лет, скажем, 8 марта, ты заснешь и не проснешься, можно было бы предупредить Терри накануне. «Если не увидишь меня завтра утром, не стесняйся, ломай двери. Ты найдешь меня в постели мертвым. Не пугайся. Я знаю, что это произойдет». Известно, что рак очень распространен среди мужчин

его возраста. Он как-то видел передачу по телевидению о том, как нужно обхватывать яички, чтобы проверить, нет ли уплотнений. Видеть на экране пару волосатых яиц было не очень-то приятно. Потом он пошарил у себя в штанах и решил, что ему рака яичек опасаться еще рано.

О чем Артур никогда не думал, так это о том, что его съест тигр. Он уже представлял заголовки. *«Пенсионер растерзан тигром до смерти. Бедренная кость найдена на территории поместья Грейсток»*. Нет, не так он хотел бы уйти.

Тигр передвинул лапу, на этот раз дальше, вниз по руке. Артур беспомощно лежал, чувствуя, как когти впиваются в кожу. Ощувив вдруг острую боль, он моргнул и увидел на предплечье четыре кроваво-красные полосы. Казалось, душа оставила тело и наблюдает за происходящим сверху.

Однажды он видел картинку в книге – лев над человеком. Работа, кажется, Анри Руссо. Сейчас Артур был тем человеком на земле. Выглядел ли тот парень на картине испуганным? Была ли там кровь? Лежа на земле, парализованный страхом, он потерял всякое чувство времени. Сколько это длится? Прошли ли секунды, минуты или часы. Тигр наблюдал за ним, пристально вглядываясь и выжидая. Желтые глаза, немигающие, бесстрастные. *«Шевельнись, – внушал зверь. – Спровоцируй меня, давай, и посмотрим, что будет дальше»*.

Артур снова взглянул на тигра. Громадная кошка, казалось, с интересом смотрела на голую человеческую ногу. Артур уже слышал в голове голос Бернадетт. «Глупый ты старый мудака. Какого черта ты полез через тот забор?»

– Элси! Нет! – проревел сердитый мужской голос. – Убирайся. Плохая девочка.

Тигрица, как знал теперь Артур, повернула голову на крик, потом снова взглянула на Артура. Секунду или две они смотрели друг на друга. Тигрица пребывала в нерешительности. Она могла в любой момент оторвать человеку голову. Этот седоволосый старик мог бы стать приятным угощением. Может быть, немного суховат и хрящеват, но это не проблема.

– Элси!

Внушительных размеров стейк с кровью с глухим стуком упал на землю в нескольких дюймах от его уха. Тигрице стейк, должно быть, показался вкуснее человеческой головы, потому что, бросив на Артура надменный взгляд, словно говорящий «что ж, на этот раз я тебя отпущу», она неторопливо удалилась.

Артур не любил ругаться, но... *черт*. Он шумно выдохнул.

Чья-то сильная рука подтолкнула его под спину, помогая сесть. Он и сам старался как мог, но рука беспомощно висела вдоль туловища.

Рядом с ним сидел на корточках лорд Грейсток. Он надел голубую рубашку и в тон ей жилет, украшенный маленькими, поблескивающими на солнце зеркальцами.

– Что, черт возьми, ты тут делаешь, старик?

– Я просто хотел...

– Мне придется позвонить в полицию. Это вторжение в частную собственность. Тебя могли убить.

– Знаю, – прохрипел Артур и посмотрел на свою руку. Выглядела она так, будто на нее нанесли алые мазки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.